

ИГОРЬ ЛОПАРЕВ

ЭЙО - 02

18+

МЕДИКУС

ОБРЕТЕНИЕ ЗНАНИЙ

Игорь Лопарев

Медикус. Обретение знаний

«Автор»

2022

Лопарев И. В.

Медикус. Обретение знаний / И. В. Лопарев — «Автор», 2022

Начинающий медикус, в меру своих сил, принимает участие в возрождении могущества своего древнего, но пришедшего в упадок рода. Сейчас для него главное - самосовершенствование. Усиливая себя, он делает свой род сильнее. Друзья и враги, любовь и вражда. Правда и ложь. Техника и магия. Романтика и приземлённая реальность. Потустороннее и повседневное. Через всё это пролегает его путь.

© Лопарев И. В., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1.1	5
Глава 1.2	10
Глава 2.1	15
Глава 2.2	20
Глава 3.1	25
Глава 3.2	30
Глава 4.1	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Игорь Лопарев

Медикус. Обретение знаний

Глава 1.1

– Дружочек, а ты карманом, случайно, не ошибся? – моё злобное шипение было адресовано чрезмерно любопытному подростку, лет тринадцати на вид. К выводу о том, что любопытен он до невозможности, я пришёл, исходя из тех соображений, что только одержимый тягой к всевозможным рискованным исследованиям мальчик мог настолько заинтересоваться содержимым моих карманов, что рискнул бы удовлетворить своё любопытство, засунув туда свою шаловливую ручонку. В ответ на мой вопрос прозвучал истошный полукрик-полувизг, местами срывающийся в ультразвук:

– Пустите, дяденька, пустите! – вопил этот, не в меру любознательный молодой человек, костяшками кулака свободной руки часто и больно бивший по моей левой кисти, зафиксировавшей его другую, пойманную с поличным, конечность. Упомянутая вороватая конечность лихорадочно пыталась покинуть мой, недавно столь вожаденный, карман. Ну, просто классика жанра. Нтанда, шедшая справа от меня, чуть притормозила, пытаясь разглядеть, что, собственно, происходит. И обнаружив, что весь этот шум производит незадачливый карманник, она саркастично поинтересовалась:

– И что ты собираешься теперь делать с этим чумазым оборванцем? – тут она немного преувеличила, одежда парня выглядела, конечно, бедно, но чисто и опрятно. Да и судя по состоянию физиономии, умывался он сравнительно недавно.

– Я собираю...

Моя попытка ответить Нтанде была прервана самым варварским образом. Стоило мне только обернуться на звук её голоса и упустить этого малолетнего поганца из поля зрения, как он, поганец этот мелкий, со всей дури грызнул мою многострадальную левую руку. А зубы у него, следует отметить, были крепкие и весьма острые. От неожиданности и боли моя хватка чуть ослабла, что и позволило юному правонарушителю вырваться на свободу.

Но далеко малолетний жулик не ушёл. Сделав прыжок в сторону, и, тем самым, разорвав дистанцию, он, вместо того, что бы незамедлительно удариться в бег, вдруг застыл на месте в позе бегуна, готовящегося к забегу на спринтерскую дистанцию. При этом в глазах его плескался коктейль из досады, удивления, страха и неверия в реальность происходящего.

– Ишь, ты, быстрый какой, – донеслось до нас добродушное бормотание Амади. Она взбиралась вверх по мощёной булыжником улочке вслед за нами, опираясь на свой неизменный посох. Магесса наша немного отставала по причине того, что по пути старалась рассмотреть, а то и на зуб попробовать всё, что продавали многочисленные крикливые торговки всякой всячиной, лотками своими перегораживающие и без того узкий проход, стиснутый с боков облупленными стенами старинных домов.

А из тёмного проулка, как раз напротив нас, появился колоритный мужчина средних лет. Он небрежно поигрывал изящной тросточкой с набалдашником, сделанным из чёрного серебра в виде головы ворона. Одет он был в тёмно-серый, в крупную клетку, костюм-тройку. На крахмальном воротничке красовался чёрный галстук-бабочка. Манишка же под жилеткой была настолько ослепительно белой, что аж глаза резало. Из жилетного кармашка для часов свисала увесистая цепочка жёлтого металла, привлекающая взгляд причудливым плетением. На ногах – дорогие чёрные штиблеты с лакированными носами. Голову мужчины венчала строгая шляпа-котелок в цвет костюма. Левый глаз его прятался под замысловатым моноклем. Этот оптический прибор представлял собой очень короткую, сложносоставную зрительную трубу,

поблёскивающую медными регулировочными кольцами с насечкой и украшенную двумя торчащими вбок изящными рычажками тонкой настройки – латунным и бронзовым.

И, что интересно, на фоне всего этого великолепия лицо, странным образом, терялось. Только отвернись, и уже через минуту эта неприметная физиономия напрочь выпадет из памяти. Останется только гадать, а что там, собственно, было видно-то, над бабочкой и под котелком. В лучшем случае, вспомнятся только блики на слегка затемнённом стекле эксклюзивного монокля. И, если через полчаса встретишь его же, но по-другому одетого и без оптики, то шансов узнать – никаких. Такой вот феномен забавный, да.

А за спиной этого господина, в полумраке переулка, резко контрастировавшего с залитой светом Джуа улицей, угадывалось присутствие ещё пары человек, одетых намного демократичнее. Повадками своими и манерой двигаться чем-то они напоминали мелких ночных хищников.

– Позвольте к вам обратиться, харр, – импозантный мужчина чуть приподнял свой котелок, видимо в знак приветствия и, улыбнувшись, продолжил, – моё имя Рукко, и я опекун этого, – он замаялся, видимо, подбирая слова, – излишне резвого молодого человека,

– Уважаемый харр Рукко, рад знакомству, – лучезарно улыбнулся я ему в ответ, – и надеюсь, что вы не будете отрицать того, что вы, как опекун этого, – тут я сбился по той же причине, то есть взял короткую паузу для поиска подходящего нейтрального определения, – юного дарования, несёте некоторую ответственность за его поведение?

– Так я вовсе и не отказываюсь, – незнакомец продолжал улыбаться, – напротив, я всем сердцем стремлюсь уладить это небольшое недоразумение, причиной которого и послужило необдуманное и слишком импульсивное поведение моего подопечного.

– И что вы предлагаете?

– Я предлагаю вам его отпустить.

– Это я уже понял, – произнося эти слова, я краем глаза взглянул на Амади. Она смотрела в нашу сторону расфокусированным взглядом, стараясь уследить и за моим собеседником, и за личностями, до поры скрывающимися в проулке, – а какую компенсацию получу я?

– Вы не пострадаете и уйдёте отсюда своими ногами, – озвучил своё предложение мой визави. После этих слов за его спиной обозначилось некоторое движение. Его группа поддержки в составе двух изрядно потертых личностей, сжимающих в лопатообразных ладонях короткие, но на вид весьма увесистые дубинки, вышла из проулка на свет Джуа. Физиономии у них, надо сказать, были гнуснее некуда.

– А мы ни при каком раскладе не пострадаем, смею вас уверить, – как можно слаще улыбнулся я, глядя в бликующую линзу монокля собеседника.

– Фарман, Годо! – не повышая голоса, произнёс тот, видимо, давая команду своим громилам атаковать.

Но громилы атаковать не спешили. Видимо потому, что при попытке сдвинуться с места ноги их начинали разъезжаться, скользить по мостовой, как будто это была не мостовая, а ледяной каток.

– Вы б ножками так резво не сучили бы, – участливо проворковала Амади, – а то, не ровён час, упадёте, ушибётесь.

Как это ни странно, и Годо, и Фарман внемля ей, сразу попытались снизить двигательную активность, но было уже поздно. Сначала о камень с деревянным стуком ударились дубинки. А с небольшим опозданием и их хозяева соприкоснулись с древним дорожным покрытием. Один из них упал на бок. А вот второму повезло меньше. Обе его ноги уехали вперед, а потом резко взметнулись вверх. Затылок же с размаху приложился к булыжной мостовой, издав сухой стук. Упавший громко охнул и, видимо, потерял сознание.

– Какой крепкий череп, – искренне восхитился я.

– Да, – как ни в чём ни бывало, согласился мой собеседник, – ребята крепкие. Но, не особенно сообразительные, к сожалению. Так, мы остановились на обсуждении причитающейся вам компенсации, – продолжил он, – а вы пока так и не озвучили свои пожелания.

– Извините, ваши парни меня слегка отвлекли, – скроил я гримасу, призванную выразить моё искреннее сожаление. Получилось не очень убедительно, но, невзирая на это, я уверенно продолжил, – вы, харр Рукко, не поверите, но я действительно весьма рад нашей с вами случайной встрече. Дело в том, что мне, в общем-то, нужно сделать один заказ щекотливого свойства, исполнить который, скорее всего, под силу именно вашей организации. Так что компенсацией может послужить просто реальная возможность подробного обсуждения этого заказа с вашим уполномоченным представителем.

– Это приемлемо, – мой собеседник немного запнулся, но затем решительно обозначил границы, в пределах которых могут заключаться и реализовываться соглашения, – но учтите, с мокрухой гильдия дел никаких не имела и иметь не собирается.

– Помилуйте, – улыбнулся я, – об этом и речи не идёт. Нам нужно решить некие мелкие проблемы бюрократического характера. С документами.

– А, вот об этом вполне можно и поговорить, – довольно улыбнулся человек с моноклем, – так где, вы говорите, остановились?

– А я и не говорил пока, мало того, я даже не представился, в отличие от вас, – я сконструировал нарочито виноватую физиономию, – обращайтесь ко мне – Адио. А наш теперешний адрес большим секретом не является. Остановились мы в «Подворье танцующей мыши».

– Да, красиво жить не запретишь, – в голосе явно наличествовали нотки лёгкой зависти, – и когда вам было бы удобно встретиться?

– В любой день, в светлое время суток, и, желательно, в приличном каком-нибудь месте.

– Хорошо, мы учтём ваши пожелания. Мадальгар, – он кивнул на застывшего воришку-бегуна, продолжавшего вращать глазами, – вечером вас там разыщет и передаст сведения о времени и месте встречи. Идёт?

– Да, это меня вполне устраивает, харр Рукко, – этими словами я выразил своё согласие, – тогда до встречи?

– А эти? – мой собеседник умудрился одним, не особенно размашистым жестом указать на всех своих «подопечных».

– Ах, да, совсем это упустил, – улыбнулся я и глянул на Амади. Та кивнула. В этот же миг воришка сорвался с места, как будто порвались удерживавшие его ещё мгновение назад незримые путы. Он, похоже, сам от себя такой прыти никак не ожидал, так как на третьем шаге споткнулся и растянулся на пыльных булыжниках. Встал, отряхнулся и, понуриив голову, побрёл по направлению к тому самому проулку. Мой, с виду солидный и респектабельный собеседник, не удержался, и по-простецки отвесил проходящему как раз мимо него начинающему карманнику хорошего леща, сопроводив это назидательной фразой о том, что быют не за то, что украл, а за то, что попался. А громила, которому повезло упасть на бок, кряхтя и охая, с некоторой опаской поднялся, боясь опять поскользнуться. Но, убедившись, что это ему уже не грозит, взвалил на плечо увесистую тушку своего менее удачливого коллеги и проследовал за малолетним преступником. И к тому моменту, когда этот, то ли Фарман, то ли Годо, скрылся в тенях со своей скорбной ношей, мой прилично одетый собеседник тоже незаметно растворился в пространстве. Когда это произошло, и куда он делся, я так и не заметил. Вот он был, а, спустя всего тридцать секунд, его уже и нет. Мистика, однако.

Моментально всё успокоилось, немногочисленные зеваки вернулись к прерванным делам, и наша троица перестала привлекать к себе избыточное внимание. Спутницы мои тихо щебетали друг с другом о недавнем инциденте, предоставив меня самому себе. Ненадолго, разумеется.

Да, я толком то и не представился. Зовут меня Адио. Адио Ситоле. Мне тридцать лет от роду и я единственный племянник своего дядюшки, Симбы Ситоле. Скажу больше – я его единственный родственник. Нас в роду осталось всего-то двое. И он возлагает на меня большие надежды. А я вот, как-то пока без особого энтузиазма к этому отношусь. Нет, я вовсе не отказываюсь принимать посильное участие в возрождении и укреплении рода. Но я пока морально не готов возглавлять этот процесс. Дядюшка то вполне еще ничего. До старости ему далеко. И я наблюдаю явные признаки того, что он, как никогда, близок к тому, что бы действительно обзавестись преданной спутницей, которая будет подле него и в горе, и в радости, и вообще... Он пока боится себе в этом признаться, но мне-то со стороны виднее, хе-хе.

Она женщина красивая, умная, талантливая, целеустремлённая, да ещё и втрескалась в него по самые ушки. Не может быть, что бы она его на себе не женила, тем более, что, как я понимаю, он и сам вовсе не против, а очень даже за. Так что, у него есть все шансы еще произвести на свет наследника, а то и не одного. Особенно учитывая наши, обретенные после экспедиции на север, возможности, как по продлению как жизни в целом, так и по продлению её активного периода, в частности. Хотя, с этим ещё надо разбираться. Но это уже моя епархия. Я же медикус. Дипломированный. Интернатуру окончил. Так что мне и карты в руки. И работы в этой области у меня – непочатый край. Да у всех наших работы хватает, если честно. Зато никто из нас на скуку не жалуется.

Теперь пару слов нужно сказать о дамах, которых я сопровождаю в нашей прогулке по Верхнему городу. Во времена Сумеречной эпохи это был самый респектабельный район славного города-порта Триассо, кстати. Жили тут богатые и уважаемые люди.

Но что-то отвлекся я, в сторону ушёл. Вернёмся к нашим дамам, однако. Я имена, конечно, назову, но не призываю вас их запоминать. Так как одной из главных причин нашего визита на это субтропическое побережье является насущная необходимость приобретения максимально убедительных, неотличимых от подлинных, и способных пройти все мыслимые проверки, документов. Документов для создания новых личностей, для нескольких человек, в число коих входят и мои спутницы. То есть имена поменяются в ближайшем будущем.

Итак, начнём с Нтанды. Лет на пять меня моложе. Весёлая, одарённая, красивая, умная. Характер лёгкий и незлобивый. Брюнетка с пронзительно-голубыми глазами и молочно-белой кожей. Закончила в прошлом году факультет артефакторики при Академии оккультных наук. В общем, признаюсь, я к ней равнодушен, хотя развитие наших отношений пока находится в начальной стадии. Конфетно-букетный период даже ещё толком не начался. Но, посмотрим, как оно будет развиваться.

Вторая моя спутница на этой прогулке – Амади. Она слегка постарше, моя ровесница. Тоже брюнетка, но черноглазая и слегка смугловатая. И фигура, и лицо – вполне себе да. Полные, чувственные губы. Тоже весьма умна, кстати. Кроме того, она стихийный маг третьей ступени Постижения. Попала в нашу команду при нескольких необычных обстоятельствах¹. Но, судя по всему, в команде она прижилась уже, поскольку дело своё знает, стремится к постоянному развитию и со всеми ладит. Только как-то... В общем, ловлю я иногда её взгляды. Многообещающие такие взгляды. Я б даже сказал, что взгляды эти не многообещающие, а, если так можно выразиться, многопредлагающие. Да. Правильно. Именно многопредлагающие. Не, я не ханжа. Я мужчина. А мужчина – это существо полигамное по сути своей, тем более, что многоженство у нас тут в порядке вещей. Но, я ещё не понял, а надо ли мне вот это всё. Тут и с одной-то дамой сердца иногда разобраться – проблема, а если их больше, так и вообще, сердца никакого не хватит. Вот, ну ладно, тоже пока будем посмотреть.

---

¹ Все события, предшествующие настоящему повествованию, описаны в книге «В поисках врат Стилой Тени»<https://author.today/reader/190202/1605762>

Более приключений никаких не было, мы посетили ратушную площадь, осмотрели саму городскую ратушу, как снаружи, так и изнутри. Даже на башню забирались. И со смотрового балкончика сполна насладились открывавшейся с высоты панорамой.

Историческая застройка Верхнего города и стена, отделявшая этот район от Нижнего города находились почти в первозданном состоянии. Верхний город по занимаемой площади более, чем вчетверо, уступал Нижнему городу, который пологими террасами спускался к району Гавани. Кварталы, непосредственно примыкавшие к пакгаузам, окружавшим саму гавань, считались наименее благополучными, и, как нас предостережёт портё из «Подворья танцующей мыши», там даже в светлое время суток можно и по голове получить, и кошелька лишиться. Хотя, как мы убедились недавно, в этом городе кошелёк в опасности пребывает постоянно и повсеместно. И надо держаться за карман. В буквальном смысле.

Посетили мы и величественные развалины замка, где во времена Сумеречной эпохи располагалась миссия одиозного рыцарского ордена «Меч предстоятеля». Побродили по сводчатым сумрачным коридорам, проложенным в толще стен, сложенных из камней циклопических размеров. Заглядывали в тесные кельи и чихали от пыли, поднимавшейся в воздух, стоило лишь только сделать шаг.

Мы даже побывали под прохладными сводами храма церкви Тринадцати поводырей, стоявшей тут же, неподалёку, чтобы полюбоваться сохранившимися фресками и древними витражами. Но после того, как какой-то хмырь в синей рясе откровенно недоброжелательно вылутился на Амади с её посохом, мы сочли за лучшее покинуть это культовое сооружение и выйти опять на солнышко, которое стало припекать к этому времени уже весьма ощутимо.

Близились время сиесты, то есть самое жаркое время суток, когда все уважающие себя бюргеры предаются неге и послеобеденному сну. Мы решили, что негоже идти в этом против устоявшихся обычаев и традиций, и направили стопы свои к «Подворью танцующей мыши». Туда, где нас встретят, накормят, напоят, обеспечат всё для водных процедур, включая различные банные мероприятия и массаж. Почему, спросите вы, я так в этом уверен? Да потому, что за всё уже заплачено.

Глава 1.2

Сиесту провели, как полагается, с удовольствием. Водные процедуры позволили избавиться от налёта вездесущей желтой известковой пыли. А потом нежные, но сильные пальчики двух массажисток просто вознесли меня в райские кущи. Будучи распаренным и расслабленным в результате продолжительного сеанса массажа, я не придумал ничего лучше, чем вздремнуть пару часиков.

К моменту, когда я опять открыл глаза, температура на улице вернулась в разумные пределы. Но на сегодня мы более ничего не планировали, а потому я отправился просто немного поплавать в бассейне во дворе. Да, в этой гостинице во внутреннем дворе был бассейн, вокруг которого коротали время постояльцы, которых дела или врожденная непоседливость не гнали медленно поджариваться на раскалённых булыжниках городских мостовых.

До ужина было ещё далеко, и я решил, что самое время погонять энергию су по организму. Ибо на инфокассете, содержимое которой было втиснуто в мой мозг агрегатом древних, были записаны основные упражнения, регулярно практикуя которые, можно было в разы, да, вы не ослышались, в разы повысить эффективность сбора, накопления и использования внутренней энергии су за сравнительно короткое время. Там много теории, сам пока в ней не до конца разобрался. Но результаты, которые обещаны прилежным последователям этого учения об энергии су, просто поражают воображение. На первых порах прорезается слабенькая способность к телекинезу. И за счет того, что чувствительность к изменению всех полевых структур, будь то магические, магнитные или иные полевые структуры, в процессе тренировок, возрастает многократно, появляется возможность обретения чувства опасности, а по мере совершенствования и оттачивания прикладных навыков и калибровки возникающих ощущений можно трансформировать его в полноценное боевое предвидение. Но я, если честно, пока даже не представляю, как к этому подступиться. Хотя сама по себе чувствительность к изменению полей – это бесценно, это и диагностика, это и пассивная локация и много ещё чего. А если учесть, что телекинез, это не что иное, как способность воздействовать на эти самые поля, то область практического применения связанных с сознательным манипулированием полевыми структурами способностей поистине безгранична. Конечно, сначала дальность использования способности к телекинезу ограничивается считанными сантиметрами, да и масса предметов, которыми оператор на начальных уровнях имеет реальную возможность манипулировать просто смехотворна. Но, с другой стороны, расширение этих границ возможно до бесконечности. Всё зависит от развития этих, а потом и многих других способностей и умений, которые после преодоления определённого порога развития дают уже синергетический эффект, Левитация, тоже, кстати, становится возможной именно как результат взаимодействия с полевыми структурами, в данном случае, гравитационными. Но это для меня пока, очень отдалённая и весьма туманная перспектива. А пока – будьте добры принять позу лотоса, уважаемый. В общем, я выпал из реальности ещё на два часа. На час я погрузился в самосозерцание, и ещё час посвятил специфической гимнастике, в которой синхронно с физическими движениями осуществляется и внутренняя работа, то есть сознательное перемещение энергетических зарядов по внутренним каналам.

Так незаметно подкралось время ужина. Для того, что бы нам никто не мешал ужинать, обедать, посиделки устраивать и вообще, наша тёплая компания при заселении арендовала просторный кабинет с большим, массивным столом, стоящим в середине помещения, за которым мы все могли достаточно комфортно разместиться. Вот я туда и отправился. Кормили тут, надо сказать, весьма и весьма не плохо. Сытно, вкусно и разнообразно.

Да, в Триассо, мы приехали почти всей компанией. Только Афолабе, ещё не полностью оправившийся после ранения, остался в поместье Ситоле, на хозяйстве. Дядя передал ему все

бразды правления на время нашего отсутствия, так что он там пока за главного, и ему там есть, чем заняться.

А к ужину уже начали подтягиваться оголодавшие. Вот дверь открылась, и в помещение вошла Энвис, а вслед за ней и дядюшка, который, понятное дело, галантно пропустил даму вперёд. Мы поприветствовали друг друга, поскольку так получилось, что с самого утра не пересекались и увиделись только сейчас. Когда же в комнату впорхнули, оживлённо о чём-то щебечущие Амади и Нтанда, я посчитал, что можно уже и нести ужин, и дёрнул за кисточку звонка.

Первые блюда появились почти сразу, а потому беседа так и не началась. Тихий стук столовых приборов наполнил помещение. Все сосредоточились на основной цели своего визита сюда, то есть на принятии пищи. Разговор завязался только когда, был съеден десерт. Дядюшка извлёк на свет свою старую трубку с чертёнком, я же открыл портсигар с вишнёвыми сигариллами.

– Ну, племянш, рассказывай, как вы сегодня погуляли, что увидели, какие впечатления? – спросил меня дядюшка, одновременно раскуривавший трубку, а потому окутанный облаками сизого дыма.

Я в красках рассказал о забавном инциденте с юным карманником, чем развеселил как дядюшку, так и Энвис. Закончил же рассказ словами о том, что принципиально договорился о встрече с представителем этой криминальной гильдии на предмет получения нами интересующих нас бумаг.

– Это не плохо, но расслабляться не стоит, – прокомментировал дядюшка, – тебя надо будет подстраховать. Кто-нибудь из нас должен будет осуществлять функцию прикрытия.

– И кого ты видишь в этой роли? – поинтересовался я.

– Разумеется, себя, улыбнулся дядюшка. – Нтанду и Амади видели в твоей компании, а потому, если они там появятся, то их будут пасти с самого начала и смогут подготовиться к тому, чтобы нейтрализовать, если что-нибудь пойдёт не так.

– Ну да, логично, – согласился я.

– Я пойду с тобой, – Энвис заглянула в глаза дядюшки и сконструировала жалобно-просительную мордашу.

– Хорошо, – неожиданно согласился дядюшка, – но с одним условием.

– Каким условием? – спросила Энвис. Ей было всё равно, по большому счёту, что это за условие. Она была готова на всё. Важным для неё было лишь то, что она будет рядом с ним.

– А условие простое, – дядюшка серьёзно посмотрел в неотрывно на него глядящие зелёные глазищи Энвис, – обещай мне, что если хоть что-то пойдёт не так, или я дам соответствующий сигнал, ты упадёшь под стол, и будешь там лежать там тихо-тихо.

– Да, мой генерал, – утрированно солдафонским тоном ответила Энвис, при этом умудрившись создать у окружающих впечатление, что она, если так можно выразиться, сидит по стойке смирно. От смеха не удержался никто. Потом она, уже серьёзно подтвердила, что обещает слушаться его во всём и быть примерной девочкой.

– А мы? – почти хором напомнили о себе Нтанда с Амади.

– А вы тут посидите, – увещающим тоном ответил дядюшка, – нет смысла подвергать вас неоправданному риску.

Они переглянулись и демонстративно надули губки, всем своим видом показывая, что они возмущены подобным дискриминационным решением. Вообще, как я посмотрю, они, Амади и Нтанда, довольно близко сошлись. И, что интересно, Амади в обществе Нтанды словно окончательно оттаяла от того холода, в объятиях которого находилась чуть ли не полторы сотни лет². Стала более открытой, контактной, милой и непосредственной.

---

² Все события, предшествующие настоящему повествованию, описаны в книге «В поисках врат Стилой Тени»<https://author.today/reader/190202/1605762>

В дверь робко постучали. Дядюшка зычно крикнул:
– Войдите!

Дверь приоткрылась, и в образовавшуюся щель просунулась мордаха девушки-администратора. Девчонка, видимо застеснявшись того, что все присутствующие на неё уставились с немым вопросом, мило покраснела и, запинаясь, поведала, что харра Адио внизу ждёт какой-то молодой человек.

– Ну, пойду я, узнаю, куда и когда меня приглашают для делового разговора, – с этими словами я направился к выходу из кабинета, и еле успел схватиться за дверную – ручку, и удержаться приоткрытой захлопывающуюся перед моим носом дверь. Видимо девчонка посчитала, что я опасен и агрессивен, и что есть смысл убратись от меня подальше, оставив при отступлении как можно больше всевозможных преград. Дверь я, всё-таки, удержал открытой и вышел в коридор. Стеснительной администраторши уже, как и следовало ожидать, и след простыл. Я прошел по коридору и спустился по широкой деревянной лестнице на первый этаж. Для того, что бы пройти ко входу, где меня дожидался посыльный, надо было пройти через общий зал, где в настоящее время народ веселился, танцевал и употреблял. И народу этого было, на удивление, много, не смотря на то, что цены в этой гостинице отчаянно кусались. В углу, на невысоком подиуме, разместился маленький оркестр, наяривавший какую-то зажигательную мелодию. Я, с трудом протолкнувшись через холл, заполненный танцующими парами, наконец, подошел к стойке администратора, где и увидел слегка затравленный взгляд давешней девушки – администратора. Я положил на стойку серебрушку, и попытался успокоить невесть, что себе напридумывавшую, девушку.

– Где тот, кто меня ожидает? – обратился я к ней с вопросом, а в ответ услышал встречный вопрос, сразу разъяснивший мне причину странного поведения представителя администрации.

– А вы тоже бандит? – спросила она, и глаза её расширились от плохо скрываемого страха.

– Красавица, ну что ж ты такая пугливая-то? – улыбнулся я, – этот парень тебя обидел?

– Не успел, – она немного приободрилась, – но пару недель назад, совсем недалеко отсюда, он и ещё два молодчика бандитского вида пытались у меня мой ретикюль³ отобрать.

Я подумал, что, скорее всего этих молодчиков я тоже знаю.

– Пытались, значит, у них ничего не получилось? – задал я наводящий вопрос. В ответ она отрицательно мотнула головой и сказала, что сразу начала громко визжать, так что грабители решили не связываться с ней.

– Правильно поступила, – и, что бы окончательно успокоить впечатлительную девушку сказал, что я вовсе не бандит, но пообещал поговорить с этим проходимцем, что бы ни он, ни его поделники более не покушались на её сумочку.

– Ну, пойду, узнаю, что он там мне сказать хочет, – сказал я и вышел за порог гостиницы.

Я стоял в пятне света от фонаря, который висел перед входом и оглядывался в поисках посыльного.

– Харр Адио, – вдруг донёсся до меня хриплый шёпот, – я тут.

Я обернулся на голос и, наконец, заметил своего старого знакомого, который очень органично вписался в тени, отбрасываемые стоящей рядом будкой сторожа, по причине относительно раннего времени, ещё пустой.

– Ну, Мадальгар, рассказывай, – деловым тоном сказал я, – что харр Рукко передать велел?

– Вот, – тем же хриплым шёпотом ответил парень, сделал ко мне несмелый шаг из тени и сунул мне в руку клочок бумаги.

---

³ Дамская сумочка

– Да, Мадальгар, мой тебе совет, – добрым голосом произнёс я, – не трогай персонал гостиниц, это же себе дороже выходит, неужели не понятно? Вот узнала девчонка тебя, а оно тебе надо?

– Да не знал я, что она тут работает, – виновато ответило юное дарование,

– А, ну ладно, а то я подумал, что ты совсем уж бестолковый.

Парень немного посмурнел, видимо, о бестолковости своей он выслушивает от харра Рукко регулярно. И за эпизод с нашим, хе-хе, знакомством, вряд ли он только тем увесистым подзатыльником отделался. Скорее всего, «опекун» ещё добавил, когда разбор полётов проводил.

– Ну ладно пойду я, харр Адио, – заторопился он и растворился в тенях.

Я же, вдохнув полной грудью вечернего воздуха, вернулся обратно в «Приют танцующей мыши». Девушка у стойки подняла на меня глаза.

– Всё в порядке, красавица, не будут они тебя трогать, – ободряюще улыбнулся я, – но ты всё равно, поосторожнее, по подворотням путь не срезай. Я так думаю, что это не единственная банда в городе.

– Это да, – печально согласилась со мной девушка, – но всё равно, спасибо вам.

У оркестра был, вероятно, перерыв, а потому в общем зале пляски на некоторое время утихли. Это позволило мне без помех добраться до лестницы, и через три минуты я был уже в нашем кабинете. Никто не ушёл – все ждали меня.

– Ну как? – спросил дядя.

– Вот, бумажку сунули, – и предъявил записку, переданную мне воришкой, – посмотрим?

– Так давай, интересно же, – Нтанда, которую не допустили, равно как и Амади, до планируемой операции, хотела хоть так, опосредованно, поучаствовать в деле.

Я развернул сложенный лист сероватой бумаги и вслух прочёл несколько строчек, написанных относительно аккуратно и разборчиво:

– Завтра, в пять часов пополудни, трактир «Валет и камбала», находится справа от центральных ворот, ведущих из Верхнего города в Нижний.

– Ага, это примерно минут двадцать ходу от нас, – прикинул дядюшка, – значит так, мы с Энвис выйдем с тем расчётом, что бы быть там к половине пятого. Возьмём столик, заодно и поужинаем, пока тебя ждать будем.

– Хочешь совместить приятное с полезным? – ехидно поинтересовался я.

– Ну, не без этого, – согласился дядя, и тут же продолжил, – я считаю, что в этом случае надо быть готовым ко всему. У каждого из нас, включая Энвис, должно быть по два амулета магического защитного поля, на всякий случай.

– Принято, – согласился я, – и в свою очередь предложил, – и пусть у Энвис будет ещё амулет стазиса, тоже на всякий пожарный, мало ли что.

– Разумно, – принял дядюшка моё предложение, что по оружию думаешь?

– Я бы взял магический портативный излучатель, ну и пару стилетов, – выразил я своё пожелание, – излучатель-то, всяко намного скромнее по своим габаритам будет, нежели твой любимый С-96. Следовательно, не так заметен, а может и вовсе незаметен, если в наплечной кобуре.

– Ну да, хотя, я видел, что тут многие оружие открыто носят, – он откинулся на спинку стула и затыкнулся.

Трубка его довольно зашкворчала, а чёртик, вырезанный на чашке, казалось, ещё шире оскалился. Мне что-то последнее время, вообще, кажется, что он живой, этот чёртик на дядиной трубке. Ну, или я от этих всех событий и жизненных перипетий потихоньку расстаюсь с рассудком, незаметно так, постепенно.

– Так что я, – продолжил дядя, – наверное. действительно, не буду экспериментировать, а прицеплю на пояс свой любимый С-96.

И тут у меня ещё идея родилась.

– Знаешь, дядя, у меня мысль возникла.

– Какая? – поинтересовался он.

– А пусть Энвис с собой ещё малый посох магический прихватит, – я вопросительно посмотрел на дядю, – положите его в тубус, вроде как карты или чертежи с собой носите?. Амади его зарядит, будет у нас, чем дополнительно удивить возможных оппонентов, если что.

– Ну, я бы не хотел делать её активной участницей событий, – начал дядя.

– Симба, ну я же не маленькая уже, – прервав его, надулась Энвис, и мне не особенно приятно ощущать себя балластом.

– А как же твоё обещание? – хитро, с подковыркой спросил дядя.

– Так я его нарушать и не собираюсь, – улыбнулась Энвис, и, глядя в глаза дяди своими колдовскими зелёными глазами, хлопая ресницами, проникновенно сказала, – если что, я, как и обещала, упаду под стол, и буду там лежать там тихо-тихо. Только в этом случае у меня появится возможность вмешаться и положить дополнительную, пусть и не особенно тяжёлую, гирьку на нашу чашу весов. Дополнительные возможности лишними не будут.

– Это-то да, спорить не буду, – согласился дядя, но потом строго посмотрел на неё и продолжил, – но в момент падения под стол, если таковой наступит, то сразу включаешь артефакт щита. Без нагрузки он сутками жужжать может.

– Хорошо, – не стала оспаривать Энвис это вполне разумное дополнение.

– Ну что, а не пора ли нам укладываться спать? – задал дядюшка вопрос, подразумевающий однозначный ответ.

После этого все зашевелились. Нтанда и Амади шаловливо так переглянулись и подошли ко мне.

– Спокойной ночи! – интимными голосами прошептали они мне, Нтанда в правое ухо, а Амади в левое. И, как это говорится, с разбегу чмокнули меня в щёки. Каждая в ту, что была к ней ближе. Я аж оторопел от такого напора. Но пришлось реагировать. Обхватив их талии и не дав им сразу убежать, я притянул их к себе, и ощущая жар молодых, упругих тел, целомудренно поцеловал в щечки обоих, и таким же интимным голосом пожелал и им спокойной ночи и приятных снов. Девчонки довольно захихикали и на этом день закончился. Мы расползлись по своим комнатам. Нужно отдохнуть. Завтра будет новый день.

Глава 2.1

Перед сном, в соответствии с графиком тренировок, установленном мною для себя же после возвращения с севера, я проделал малый комплекс гимнастических упражнений, после чего расслабился в медитации, очистил сознание. Стал ещё чуть ближе к совершенству, хехе. Осознание этого принесло умиротворение и спокойствие. И, пребывая в таком благодатном расположении духа, я забрался под простынь.

Процесс засыпания, как всегда, прошёл незаметно, а потом я стал постепенно осознавать, что иду по какой-то разбитой дороге. Кругом простиралась, сколь хватало глаз, равнина, усыпанная крупным серым гравием. И всё это было залито гнойно-жёлтым светом огромной луны, висевшей у самого горизонта. Шёл я очень недолго и, как мне показалось, медленно, хотя каменистая равнина уносилась назад с огромной скоростью. Впереди показался перекрёсток, где моя дорога пересекалась ещё с несколькими.

Перед пересечением дорог, на правой обочине стояла странная фигура. Это был человек неопределённого возраста, с тёмным, шоколадно-чёрным лицом, изрезанным морщинами и ритуальными шрамами. Толстые дреды, в которые были собраны его длинные полуседые волосы, свисали ему на спину и плечи из-под широких полей мятой и запылённой соломенной шляпы. Был он одет в весьма потёртый фрачный костюм, а опирался на короткий толстый костыль. Крупные, неравномерно пожелтевшие зубы сдавливали чубук корявой трубки, испускавшей мерзостно пахнущие облака едкого дыма. Разило от этого замечательного персонажа плохим ромом и застарелым потом.

Он уставился на меня своими насмешливыми, и одновременно недобрыми угольно-чёрными глазами и, ни слова не говоря, протянул мне свою, не особенно чистую, ладонь. В глаза бросился засаленный манжет на тощем запястье, торчащий из такого же засаленного фрачного рукава. Не знаю, что на меня нашло, но я полез в карман, нащупал там монетку и положил её в его заскорузлую ладонь. Он оскалился и проскрипел:

– А за подружку?

Я начал лихорадочно оглядываться, ведь шел я сюда один. И, как это ни странно, но в метрах пятнадцати увидел идущую к нам Нтанду, И тут я обратил внимание на то, что моя тень падала в одну сторону, тень Нтанды падала под углом около шестидесяти градусов к моей тени, а местный попрошайка не отбрасывал тени в принципе. Тут я вовремя вспомнил, что это сон, а во снах чего только не бывает. Это меня странным образом успокоило. И я отдал этому инвалиду во фраке ещё одну монетку.

– И ты тут? – удивлённо спросила Нтанда.

– Ну, да, – я, собственно и не знал, что ещё ответить, просто подтвердил очевидный факт. От беседы нас отвлек скрипучий голос обладателя дредов.

– Давайте, двигайте своей дорогой, – сварливо пробухтел он, – некогда мне с вами возиться, Та, кого я жду, уже рядом.

Я опять начал усиленно крутить головой, и, к своему удивлению, увидел на дороге ещё одну женскую фигуру. Она была ещё довольно далеко от нас, но даже издали её походка показалась мне знакомой, уж очень она напоминала мне походку Энвис.

– Так куда нам идти? – в один голос спросили мы с Нтандой.

– Куда ваша тень показывает, туда и идите.

– В разные стороны? – Недовольно и недоверчиво переспросила Нтанда.

– Идите, не болтайте, всё равно очень скоро встретитесь, – и пояснил, – просто у каждого своя дорога, Но ваши сойдутся, не переживайте.

И мы двинулись, каждый по своей дороге. Я шёл очень недолго, и в конце пути упёрся в обыкновенную дверь, которая стояла сама по себе в чистом поле. Просто стоит в конце дороги

дверная коробка, в ней закреплено простое сосновое дверное полотно, рождающее неприятные ассоциации с крышкой гроба. И в эту дверь врезана неожиданно роскошная бронзовая дверная ручка, сделанная в форме собачьей головы с оскаленной пастью. Всё. Обошёл вокруг. Ничего не поменялось. Дёрнул за ручку. Дверь нехотя приоткрылась. Из образовавшейся щели вырвался яркий свет. Я дёрнул ручку сильнее и шагнул в сияние.

В следующий момент осознал себя на довольно крутом склоне, на извилистой тропке. Она вела куда-то вверх, петляя между больших камней и невысоких резных каменных столбиков. Немного разобравшись в ощущениях, я понял, что нахожусь в чужом теле, как это уже было однажды⁴. И тело, похоже, было то же самое. Двигался человек, невольно приютивший моё сознание, быстро. Дыхание его оставалось ровным, Вот он входит в большое одноэтажное здание, сложенное из потемневшего толстого бруса. Да, я уже был в этом зале. Посмотрим, станет ли старик с заплетёнными в косички бровями меня прогонять.

– Привет, Фонг, – босая девушка с желтоватой кожей стояла, приветливо улыбаясь, на устилавших зал циновках, Форма её глаз чем-то напоминала зауженные глаза олча⁵. Лицо скуластое, сердечком. Рот небольшой, ушки аккуратные, Приятное лицо, в общем. Причёска без затей. Волосы прямые, чёрные, заплетены в толстую косу. Фигурка миниатюрная, как у Нтанды. Одежда проста и аскетична – курточка цвета индиго из плотного хлопка, перехваченная чёрным поясом, и такие же штаны.

– Привет, Нюнг, – сказал тот, в чьём теле я сейчас гостил, и тоже широко улыбнулся. Он снял с ног мягкие кожаные тапки и босиком ступил на циновки зала.

По циновкам бродило ещё десятка полтора молодых людей обоего пола. Одежда ничем не отличалась то одежды Нюнг и Фонга, ну, разве что цветом,

Мой носитель даже не успел поздороваться со всеми присутствующими, как прозвучал густой, низкий, немного вибрирующий звук гонга. Все присутствующие быстро построились в шеренгу лицом к багровому выпелу, висящему на стене. На циновки вышел тот самый дед, который попёр меня отсюда в первый раз. Дедушка обвёл шеренгу цепким взглядом, мне показалось, что на Фонге его взгляд слегка задержался, Затем сохраняя каменное выражение лица, он поднял руки на уровень груди, согнул их в локтях, обхватил ладонью левой руки кулак, в который сжалась правая его ладонь и поклонился. Все, стоявшие шеренге, повторили его жест и поклонились, но гораздо глубже.

Да, я опять попал на тренировку. Старик дал какую-то отрывистую команду, и все сели на колени, лицом к нему. Как я понял, это была медитация, духовная подготовка к тренировке. Я с удивлением различил движение нескольких обособленных потоков энергии су по энергетическим каналам моего реципиента. Каждый сгусток энергии двигался со своей скоростью и по своему маршруту. Меня поразила высочайшая степень концентрации на энергетических процессах, достигнутых Фонгом. Всего было восемь потоков. Восемь! Это очень близко к естественному пределу. Только очень тренированное сознание способно удерживать внимание на более, чем семи процессах или каналах поступления внешней информации одновременно, не впадая в транс от перегрузки. И, пока меня отсюда не вышвырнули, я старался в деталях запомнить затейливый рисунок движения энергий по внутренним энергетическим каналам.

– Фонг, Нюнг, ко мне! Скомандовал старик. И тут я подумал, что вот сейчас меня опять на выход попросят. Грубо так попросят.

Мой носитель мгновенно сорвался с места и бодрой рысцой поспешил на зов. Девушка уже сидела перед дедом на пятках, сложив на коленях руки. Фонг принял такое же положение. Оба они преданно поедали учителя глазами. Старик поднял обе руки на уровень лиц сидящих

---

⁴ Все события, предшествующие настоящему повествованию, описаны в книге «В поисках врат Стилой Тени» <https://author.today/reader/190202/1605762>

⁵ Олча – северный народ рыболовов и оленеводов

перед ним молодых людей и одновременно легко коснулся указательными пальцами их лбов. При этом тихо приказал им:

– Спите, – сидящие как будто окаменели, а потом у меня в моём сознании прозвучало, – а теперь, пришельцы, давайте поговорим.

Пристально взглянув на моего носителя, он задумчиво подметил, – а ты уже был здесь, похоже.

– Да, – не стал я запыраться, был, но вы меня выгнали почти сразу.

– У нас тут сложная обстановка. Иногда приходится действовать решительно, не разбираясь. Я думал, к Фонгу энергетический паразит прицепился, нас тут чего только не встретишь. Но сейчас есть возможность спокойно поговорить. Как вы сюда попали?

– Мы? Я переспросил, для уверенности. Если подозвали моего носителя, и Нюнг, то, скорее всего в неё вселилась Нтанда.

– В Нюнг тоже кто-то есть, дед подтвердил мои предположения.

– Это я, Нтанда, – её голос в моём сознании звучал вполне узнаваемо.

– Мы сейчас спим, – начал я, – и во сне...

В общем, я ему поведал, про желтую луну, про побирушку-бомжа в соломенной шляпе и фраке, про дверь в чистом поле.

– Значит, дух перекрестка, Чимата-Но-Ками, вас пропустил. То есть вы тут, так сказать, с его разрешения, – старик переводил взгляд с Нтанды на меня. То есть с Нюнг на Фонга и обратно, – а что вам тут делать?

Я ничего и сообразить-то толком не успел, а Нтанда, словно записная отличница в начальной школе, уже опередила меня с ответом:

– Учиться.

– Чему? – учитель интересовался у нас, чему у него можно научиться. Забавно.

– Работе с энергией су, – вернул я себе утраченную инициативу, – и её практическому применению, разумеется.

– Я преподаю только искусство боя и медицину. Медицина, как излечивающая, так и предупреждающая болезни.

– Я медик. И любые знания по применению энергии су, тем более, в медицине для меня очень ценны. Ну, а овладеть искусством боя тоже необходимо. В беспокойное время живём. А в качестве благодарности я могу предоставить некоторые сведения об использовании энергии ма, но сам я их ещё не освоил в должной мере, да и общая напряжённость этого вида энергии у вас тут на очень низком уровне.

– Это было бы интересно. В старинных трактатах говорится об ещё одном виде энергии, но мы сейчас оперируем только с энергией кци, которую вы называете су. Возможно существенное ослабление энергетического фона той, другой энергии произошло из-за её, этой энергии, утечек.

– Что за утечки, куда? – поинтересовалась Нтанда.

– Если вы выйдете за ворота нашей школы, то с вершины горы вы сможете окинуть взглядом почти десятую часть того, что осталось от нашего мира, – старик произнёс эти слова с непередаваемой горечью, – нас осталось очень мало, и в нашем распоряжении только маленький островок, пригодный для жизни. А дальше, вокруг – только выгоревшие пустоши, населённые чудовищами. И эти пустоши тянут нашу энергию, лишая нас её. Может быть, где-то есть ещё островки, подобные нашему, но мы о них не знаем.

Наши мудрецы, те, кому повезло выжить в катаклизме, так и не смогли однозначно определить причины катастрофы. Некоторые говорят о каких-то грандиозных возмущениях в межмировом эфире, кто-то грешит на волшебников, использовавших без оглядки магию, основывавшуюся как раз на той энергии, которой сейчас почти не осталось. Есть те, кто считает, что это последствия войн, которые ведут боги. Но это, наверное, уже и не так важно. Всё, что

могло произойти, уже произошло. Причём произошло это давно. За несколько десятков поколений до моего рождения. Но разрушение продолжается до сих пор. То тут, то там, пустоши поглощают ещё клочок того, что осталось нам после катастрофы. Мы вынуждены выживать, сражаясь с огромными ящерами и прочими хищниками, бродячими плотоядными растениями и враждебными духами, которые лезут сюда из пустошей. Возделываемых полей становится всё меньше и меньше. Мы сражаемся, но мне кажется, что дело идёт к концу. Что еще десяток поколений, и последние частички того, что мы называем своим миром, будут поглощены пустыней, – старик вздохнул, – ну да ладно. Учитесь, наблюдайте, но воздержитесь от перехвата управления телами. Если возникнет необходимость, то делать это только по согласованию со мной и теми, в чьих телах вы находитесь. И если ваше вмешательство поможет спасти жизнь кому-нибудь из нас, Тут всякое может произойти. И да, пока не торопитесь налаживать контакты с хозяевами тел. Освойтесь, осмотритесь, узнайте, как мы тут живём. И ещё – перед каждой тренировкой я буду вас подзывать, что бы мы могли немного пообщаться.

– Хорошо. Спасибо вам за то, что согласились учить нас. Сведения о той, другой энергии мы будем передавать непосредственно от сознания к сознанию небольшими пакетами. И вы соблюдайте осторожность при их распаковке. Могут быть очень сильные головные боли. У меня есть сведения о медицинском использовании этой энергии, а у моей подруги, об изготовлении и использовании артефактов.

– Замечательно. А сейчас, давайте вернёмся к занятиям. Фонг и Нюнг засиделись тут что-то, – и старик улыбнулся.

– Просыпаемся, – мягко сказал он, снова коснувшись указательными пальцами лбов сидящих перед ним молодых людей. Те с некоторым замешательством посмотрели друг на друга, а потом на учителя.

– Все, что было нужно сделать, я сделал, – так что вставайте, – потом, уже обращаясь ко всем, находящимся в зале, сказал чуть громче, – а теперь встали, так, чтобы не мешать друг другу, и повторяем за мной. Будем медленно делать тао-лу ветра на восемь сторон.

Народ распределился по залу и застыл. Старик повернулся спиной ко всем. Спина его была идеально прямой, плечи расслаблены и чуть опущены. Ноги едва заметно согнуты в коленях, таз чуть подан вперёд. Несколько секунд он сохранял неподвижность. Потом обе его руки начали медленно подниматься вверх. Мне, почему-то, пришла на ум ассоциация с движением облачка. Так же естественно и плавно. Достигнув уровня плеча, руки учителя задержались там, буквально, на секунду и пошли вниз. Все в зале совершали те же движениями. Вот он чуть перенёс центр тяжести на правую ногу и немного согнул её в колене. Одновременно его левая рука согнулась в локте, а правая упёрлась в основание ладони левой, добавляя всей конструкции жесткости. Правая нога медленно распрямилась, вес плавно переместился на левую ногу. Руки при этом совершили медленное толкающее движение влево. Одновременно с этими движениями я с удивлением отметил, что помимо внешних, физических движений внутри, по каналам двигались сгустки энергии су. И движение это, не смотря на всю сложность рисунка и различную скорость, и направление потоков, было упорядоченным, осмысленным и логичным. Я начал улавливать некие взаимосвязи между физическими движениями, и внутренними перемещениями энергии. Особенно меня впечатлили резкие выбросы зарядов энергии при ударных движениях рук или ног. Эти энергетические жгуты и кулаки являлись продолжением ударных конечностей. В реальном бою эти энергетические конструкторы, очевидно, проникая в тело атакуемого, наносили повреждения, как физические, так и энергетические.

Если смотреть на всё со стороны, то это было красивое зрелище. Люди одновременно и синхронно выполняли сложные движения. Как будто танцевали танец в воде. Этот мистический танец продолжался около получаса.

Я запомнил, всё, что смог, хотя прекрасно понимал, что запомнил далеко не всё, что надо. Что бы только запомнить всё, потребуется не один десяток тренировок. А ведь надо ещё

и самостоятельно отрабатывать эти движения. Там, в своём мире, наяву. Но, начало развитию положено.

Но тренировка на этом не закончилась. По команде учителя ученики вооружились прямыми, гибкими мечами метровой длины. И всё повторилось. Нет, все движения были другими по форме, но суть оставалась прежней. Вращивание гармонии внешних физических, и внутренних, энергетических движений. Оттачивание умений, помогающих формировать энергетические выбросы и направлять их по каналам тела в оружие, напитывая сталь дополнительной силой и придавать её поистине мистические свойства.

На этом тренировка закончилась. Все участники тренировки повторили жест, с которым тренировка началась, поклонились и потянулись к выходу. Учитель подозвал наших носителей к себе. Быстренько усыпил, и мы с Нтандой в темпе сгрузили ему первые пакеты знаний по энергии ма. После чего Нюнг и Фонг были разбужены и отпущены улыбающимся стариком.

Уже начало слегка темнеть, и меня посетила мысль, что в нашем мире уже скоро начнётся утро.

А Нюнг, тем временем, схватила Фанга за руку и, подобно маленькому буксиру, тянущему большую баржу, смеясь, потащила его вниз по тропинке.

Глава 2.2

– Здравствуйте, – Энвис поприветствовала странного человека во фраке и соломенной шляпе, – а где я? – добавила она, оглядывая округу, залитую мертвенно-желтым светом огромной луны.

Здравствуй, маленькая белая мама, – ответил тот, улыбаясь желтозубой улыбкой, – сейчас ты у меня в гостях. Но то, куда ты дальше отправишься, зависит только от тебя. От того, как ты ответишь на мои вопросы.

– Но, мы же просто стоим на перекрёстке – начала было Энвис.

– Это и есть мой дом, – сказал обладатель соломенной шляпы, выпуская облако вонючего дыма, – я – хозяин перекрёстков, я открываю и закрываю пути. У меня много имён и лиц, но сейчас зови меня просто – Эшу.

– Очень приятно, а меня зовут Энвис, Энвис фехр Ллир – отрекомендовалась Энвис. И, пытаясь понять хоть что-нибудь в этом фантазмагорическом сне, поинтересовалась, – а о чём ты хотел спросить меня, Эшу?

– Любишь ли ты его? – пронзительный взгляд черных глаз из-под полей старой соломенной шляпы, казалось, пронизывал насквозь. И Энвис без наводящих вопросов поняла, о ком завёл речь странный господин во фраке. Она без колебаний выдала положительный ответ.

– Хорошо, – проскрипел тот, и снизошёл до некоторых объяснений, – я поговорил с моим северным соседом, духом ворона Кутхом. И он мне поведал о том, что кровь твоя даёт тебе способность ладить с духами. И ты, действительно, без труда попала ко мне, откликнувшись на мой зов, хотя, для непосвящённых это бывает трудно. На этих двоих не смотри, – Эшу неопределённо махнул рукой в направлении, куда проследовал Адио, – они попали под воздействие, дающее им возможность перехода между мирами, хотя сами себе в этом отчёта не отдают. Их ещё учить и учить. Так что давай-ка, будем лучше о тебе говорить.

– Так вот, – продолжил Эшу, – если ты любишь своего мужчину, то, наверно, не захочешь быть для него обузой, так ведь?

– Конечно.

– Поэтому я предлагаю тебе пройти обряд посвящения, и ты станешь моей жрицей, мамбо, – он опять впился взглядом в её лицо, – ты станешь говорящей с духами.

– А что тогда потребуется от меня? – вопросительно приподняла бровь Энвис, поскольку знала, что если тебе что-нибудь предлагают, то рассчитывают и что-то получить за это, и как это поможет ему?

– Хороший вопрос, – одобрительно проскрипело из-под шляпы, – на самом деле не потребуется ничего, ничего сверх того, что ты сможешь сделать для людей. Скоро они начнут приходить к тебе, со своими просьбами. И ты будешь обсуждать их просьбы со мной или с теми, кого я призову, и кто сможет, так или иначе, помочь просителю. Детали – потом.

– Надеюсь, что человеческих жертвоприношений не потребуется? – с опаской поинтересовалась Энвис.

– Нет, нам хватает мелочи, домашней птицы, или вообще, чего-нибудь неодушевлённого. Главное, что бы люди проникались верой в нас и наши возможности. Это делает нас сильнее. И тебя, кстати, тоже, будет делать сильнее. А что это даст твоему любимому? Тут всё просто. Через тебя он заручится помощью духов, а это не мало.

– Да, это не мало, – прошептала Энвис, вспоминая, в какой шок её повергло знание о том, что современнейший дирижабль потерпел крушение благодаря духам, призванным шаманом олча⁶, – тогда, что от меня требуется сейчас?

---

⁶ Все события, предшествующие настоящему повествованию, описаны в книге «В поисках врат Стилой Тени»<https://>

– Твоё согласие, – удовлетворённо улыбнулся Эшу, вытащил из внутреннего кармана фрака плоскую кожаную флягу, открутил крышку и жадно приник к горлышку. Вокруг распространилась волна густого карамельно-алкогольного запаха, – по условиям я, вроде как, всё сказал.

– Я согласна.

– Ну, тогда пойдём, маленькая белая мама, – он смерил её насмешливым взглядом, и, проскрипев, – не отставай, – лихо поковылял по одной из дорог, уводящих прочь от этого перекрёстка, опираясь на свой корявый костыль и периодически извергая клубы табачного дыма. Энвис ничего не оставалось, как последовать за этим занятным и, в тоже время, пугающим персонажем.

На одном из перекрёстков Эшу остановился и пробормотал про себя:

– Так, нашёл где, теперь надо определить, когда, – наморщил лоб и задумчиво закатил глаза. Затем, видимо, приняв какое-то решение, решительно повернул направо и поковылял в прежнем темпе в избранном направлении.

Наконец, минут через двадцать непрерывного движения Энвис с некоторым удивлением увидела, что они подошли к двери. Дверь не являлась проходом в какой-либо преграде, то есть не было никакой стены, в которую бы эта дверь была бы врезана. Просто дверь, так сказать, дверь в себе. Эшу, не теряя времени на пояснения, схватился за дверную ручку, отлитую из бронзы в виде оскаленной собачьей головы, и потянул на себя. В приоткрывшуюся щель прорвался лёгкий влажный ветерок, несущий запахи реки.

– Заходи, – буркнул он, мазнув взглядом по лицу Энвис. И та, ни слова не говоря, доверчиво шагнула во тьму за порогом. Босые ноги Энвис ощутили мокрый песок. Её тут же окутал насыщенный влагой тёплый воздух. Где то вдалеке горели огни. Слышался ленивый плеск волн, гудки пароходов, крики чаек, далёкий гул голосов, ритмичные выкрики, рокот барабанов.

Мгновением позже на речной песок, рядом с Энвис, ступил и Эшу. Энвис, тем временем, разобралась в своих ощущениях. Это не Эйю, это другой мир, со своими законами и правилами.

– Где мы? – спросила она у своего спутника.

– Ла Нувел-Орлеа⁷. Одно из моих любимейших мест во всех мирах и временах, – Эшу полной грудью вдохнул влажный воздух, – следуй за мной, нам нужно найти мамбо Мари⁸, она должна быть где-то тут, если я не ошибаюсь.

Энвис и Эшу двинулись вдоль пляжа по направлению к угадывающимся вдалеке огням пристани и горящим на пляже кострам. По мере продвижения звуки барабанов становились всё громче, и, когда костры были уже совсем близко, глазам Энвис предстало неординарное зрелище.

На утоптанном песке пляжа, под рокот барабанов и ритмичные хлопки в ладоши обступивших её многочисленных зрителей, танцевала женщина. Кожа её блестела от пота в свете недалёких костров. Её плечи, шею и руки кольцами своего трёхметрового тела невозмутимо обвивал упитанный питон. И танец у неё был странным. Тело, казалось, оставалось совершенно неподвижным. Это впечатление усиливалось ещё и тем, что голова её была полностью закрыта гротескной деревянной маской. А ноги, затянутые в толстые шерстяные лосины, украшенные широкими разноцветными поперечными полосами, жили своей жизнью⁹. Они выбивали безумную чечётку, взметая пляжный песок, сгибались под немыслимыми углами, распрямлялись, выделяли невообразимые коленца. И над этим вихрем безмолвно и неподвижно висела раскрашенная яркими красками деревянная маска с застывшими чертами нарисованного лица,

⁷ La Nouvelle-Orléans – Новый Орлеан.

⁸ Мари Лаво (1801–1888), креолка, её звали королевой вуду и не зря. Её боялся даже мэр города.

⁹ Танец Заули (Zaouli)

вокруг которого обвивались ленивые кольца змеиного тела. И отблески костра играли на многочисленных чешуйках, покрывавших кожу питона.

– Ага, это она, – про себя проскрипел Эшу, и, уже обращаясь к Энвис, продолжил, – сядем, подождём. Они скоро закончат.

Они почти синхронно опустили на лежащее рядом бревно, принесённое сюда течением великой реки. Эшу затянулся своим богомерзким табаком, и, закашлявшись, опять потянул из кармана флягу с ромом. Спустя минут двадцать танец окончился. Эшу негромко окликнул танцовщицу:

– Мари, подойди к старику, будь добра.

Негромкие звуки его скрипучего голоса по эффективности воздействия не уступали раскатам грома среди ясного неба. Все, находившиеся в пределах слышимости сначала застыли на пару секунд, прикипев неверящими взглядами к нескладному силуэту в соломенной шляпе. Только Мари успела переместиться к бревну, где сидел Эшу, и, как была с питоном на плечах, так и распростёрлась ниц перед стариком. Вслед за ней пали ниц и все остальные. Мари подняла горящие чёрным пламенем глаза, полные обожания, на старика.

– Папа Легба, мои прихожане вне себя от счастья видеть тебя среди нас.

– Я пришёл не просто так, – Эшу прикрыл глаза и поднёс трубку к губам, – мне нужно инициировать новую мамбо, вот эту маленькую белую маму, – и он кивнул на Энвис. Мари, в свою очередь, с недоверием покосилась на Энвис.

– Папа Легба, но она же белая.

– Мари, не раздражай меня, – в голосе старика лязгнула сталь, но он, всё-таки, снизошёл до пояснений.

– Видишь ли, там, где она живёт, чёрных нет. Совсем, – и строго добавил, – а будешь спорить, то дальше разговаривать с тобой буду уже не я, а Мэтр Каррефур¹⁰.

– Нет, папа Легба, я не буду спорить, – в голосе Мари явно прозвучали нотки неподдельного страха, – Когда нужно провести обряд?

– Немедля. К рассвету всё должно быть завершено.

– Тогда, сможешь ли ты привести маленькую белую маму к моей парикмахерской во Французском квартале через полчаса?

– Я помню, где это, – улыбнулся Эшу, – давай, беги, готовься, а мы пойдём потихоньку. Как раз через полчаса и будем на месте.

Мари и несколько человек, которые ассистировали ей на пляже, резво втянулись в один из переулков, а Энвис с Эшу неторопливо последовали за ними. Быстро идти в лабиринте переходов Складского района, примыкавшего к речному порту, было практически невозможно. Тёмные и извилистые улочки-тропки вели куда надо, лишь потому, наверное, что Энвис шла рядом с повелителем путей и перекрёстков.

Наконец, появились первые горящие уличные фонари, и Энвис наконец то получила возможность смотреть, куда ставить ноги. У входа в парикмахерскую их ждал заросший курчавой чёрной бородой и с головой, покрытой столь же курчавой шевелюрой, креол. Один его зрачок затягивала мутная плёнка. Папа Легба недовольно поджал губы и, не глядя, ткнул привратника в глаз пальцем. Тот взвизгнул от неожиданности, невысоко подпрыгнул и потянул руки к своему лицу. Но остановил это движение на полпути, и поднял глаза на Эшу. Плёнка с глаза исчезла.

– Мари, ты плохо заботишься о своих людях, а это бросает тень и на меня, – недовольно крикнул Эшу в глубину здания, – то, что я хромаю, ещё не значит, что все, кто служит мне, должны оставаться инвалидами.

---

¹⁰ Злобная ипостась папы Легба, его еще зовут Легба Кафу

Покуда Эшу говорил всё это, они с Энвис спускались по скрипучей деревянной лестнице в просторный подвал, находившийся под зданием.

– Да, – Эшу строго посмотрел на Энвис, – ты выбрала себе имя?

– Нет, удивлённо ответила та, – а надо?

– Какие же вы, люди, бестолковые, – посетовал Эшу, а потом добавил гораздо тише, но Энвис всё равно услышала, – особенно белые.

Энвис задумалась. Выбор имени, это вообще, дело не простое. Но надо что-то придумать, времени почти не осталось. Остановилась на имени Эолиндис,

В подвале было светло. Десятка полтора толстых чёрных свечей, расставленных в углах и около стен, давали хоть и дрожащий, но достаточно яркий свет. На небольшом помосте у противоположной от входа стены расположились три барабанщика, у каждого из которых был свой персональный барабан-джембе. Свод подвала поддерживал ритуальный столб – Митан. По этому столбу духи спускаются в мир людей, это такая, своеобразная дорога духов.

Помимо барабанщиков в подвале присутствовали сама мамбо – Мари Лаво, бохор¹¹ и ещё одна женщина, похоже, унси¹². Ритуал начался с барабанов. Первым ожил самый большой барабан, через минуту к нему присоединился тот, что был немного поменьше. И, надо отметить, что ритмические рисунки у них были различные. А ещё через минуту ожил и самый маленький барабанчик. Его постукивание органично вплелось в уже звучащие ритмы, и подвал наполнился колдовским звуком этого трио. Мамбо Мари, танцуя со своим питоном, который носил с гордостью романтическое имя – Зомби, сделала несколько кругов вокруг столба, после чего двигаясь в танце, приблизилась к Эшу.

– Папа Легба, открой дорогу духам, пусть они придут к нам, пусть отведают крови жертвы,

– Я услышал тебя, Мари, – откликнулся Эшу, – и все свечи одновременно зашипели. Неожиданный порыв нездешнего ветра сдул с них пламя, погрузив подвал во тьму. А двумя секундами позже свечи продолжили гореть, как ни в чём не бывало.

Мари, на пару со своим питоном, продолжила танцы вокруг столба. Бохор же с унси в это время принесли в жертву чёрного петуха, который дожидался своего часа, сидя в плетёной корзинке под плотной крышкой.

Бохор плеснул в гови¹³ немного крови жертвенного петуха, долил из калебаса¹⁴ воды с кукурузной мукой и щедро добавил рому, предварительно окропив им же статуэтки, стоящие на алтаре. Взболтав гови, протянул её Энвис. Она, недолго думая, крепко зажмурилась и залпом выпила содержащуюся в гови жидкость прямо из широкого горлышка бутyli. Мир в глазах ощутимо поплыл и даже, казалось, слегка завалился набок.

Энвис отстранённо отметила, что, похоже, она погрузилась в транс, при этом разделившись на две сущности и видя все, происходящее вокруг. Одна Энвис сидела, наблюдая за ритуалом, купаясь в рокоте барабанов, а вторая Энвис – стояла тут же, рядом, и смотрела одновременно на себя, сидящую и на происходящее в подвале.

Перед глазами Энвис поплыли невнятные образы. Она видела человека, который отшельником жил в башне среди песков величайшей пустыни. Его компанию составляли лишь змеи, он гладил их, кормил их молоком, наливая в блюдечко. Змеи трогали его лицо и руки своими подвижными раздвоенными языками. Он знал их наречие, он мог подзывать змей или голосом отгонять их, он мог с ними разговаривать и договариваться. Этот человек подошел к Энвис и сказал ей, что она – это он.

---

¹¹ Бохор – колдун вуду

¹² Унси – помощница мамбо или хунгана

¹³ Гови – Глиняная ритуальная бутылка

¹⁴ Калebas – фляга из тыквы

Дальше картинка поменялась. Энвис уже была одета в его одежду, рядом находилась башня, а змеи теперь вились вокруг неё, шуршали чешуёй и заглядывали ей в глаза.

Бокор подошел к Энвис, начал лить ей на голову какую-то жидкость, читая при этом заклинания на змеином языке с шипящими согласными. Она физически ощущала потусторонние сущности, вьющиеся над головой, чувствуя легкое покалывание на макушке. Энвис чувствовала, как сознание впитывает в себя духа – ориша. Появился огненный шар, который через канал втянул ориша в себя. Сборка личности произошла.

Её ори¹⁵ стал ориша Эшу Айеде. Аспект Эшу пророческих и мистических видений, получаемых от Духов. И теперь она уже не была прежней Энвис, она изменилась. В первую очередь, изменилось, дополнилось, расширилось её сознание. И, как символ глубинных изменений произошла смена имени. Теперь она не ощущала себя Энвис, теперь её имя было Эолиндис.

С тяжёлым вздохом осела на земляной пол Мари Лаво. Та, которую современники уже называли не иначе, как «Королева Мари». Даже её питон по кличке Зомби выглядел усталым. Мари обратилась к бокору:

– Антуан, притащи кролика из вольера, а то Зомби мой совсем плох, надо покормить змея, – подкрепив просьбу усталой улыбкой. Все три барабанщика сидели у своих инструментов в расслабленных позах, и каждый из них пытался ответить себе на вопрос, чего он хочет сейчас больше, спать или, всё-таки, есть? Унси же, видимо, решила для себя этот вопрос. Она свернулась калачиком на циновке около алтаря и уже тихо посапывала.

– Мари, я благодарен тебе, – сказал Эшу, вставая, – теперь в мире Эйю появится сильная мамбо, и духи-ориша станут ещё чуть сильнее. На днях я навещу тебя, и мы подробно обсудим твои нужды и нужды твоей общины.

– Спасибо, папа Легба, – устало улыбнулась креолка, – мы будем ждать тебя.

– А сейчас мы с Эолиндис покинем вас, нам пора, – он пристально оглядел присутствующих, – скоро рассветёт.

Эолиндис и Эшу поднялись из подвала и вышли на тротуар. Восток уже светился алым.

– По домам? – усталым голосом спросил Эшу.

– Да, – согласилась Эолиндис.

– Ну, тогда до скорого, – Эшу лихо взмахнул своей соломенной шляпой. Мир закружился вокруг Эолиндис, верх и низ неоднократно менялись местами, на внутренней стороне сомкнутых век водили хороводы маленькие серебряные звёздочки. И, наконец, когда она открыла глаза, то обнаружила себя в своём номере, в постели, стискивающей подушку в объятиях.

---

¹⁵ Ори – Голова, сознание – дух истинного «Я». При инициации адепта истинное «Я» адепта сливается с духом-покровителем, ориша, образуя ори.

Глава 3.1

Симба Ситоле и Эолиндис¹⁶ заняли места на балконе, нависавшем над общим залом трактира «Валет и камбала». Надо сказать, что, невзирая на сравнительно раннее время, там были заняты почти все места. Только столик, заблаговременно зарезервированный за Адио, выделялся пустотой незанятых мест.

– Эоли, так что ты говорила о возможных неприятностях? – обратился Симба к сидящей напротив него Эолиндис.

– Мой ори, Эшу Айеде¹⁷, предупреждает о высокой вероятности того, что сегодня начнутся крупные уличные беспорядки, – она тоже окинула взглядом ровно гудящий застольными разговорами трактирный зал.

– Неожиданно, как-то. – скептически хмыкнул Симба, – ничто, вроде как и не предвещает.

– А оно всегда так и бывает, – Эолиндис улыбнулась и нанизала на вилку истекающий соком медальончик из жареного в специях из Гиндао мяса молодого тяка, – тем не менее, Нтанду и Амади мы на дирижабль отправили.

– Ну, да, так оно поспокойнее будет, – согласился Симба, – по крайней мере, случись чего, не придётся по городу искать друг друга.

– Ага, смотри, Сим, вон и племянш твой пожаловал, – Эолиндис окунула мясной медальончик в судочек с пряным соусом, откусила жемчужными зубками кусочек, и указала вилкой с остатками медальончика вниз, где Адио Ситоле резво пробирался между столиков к своему месту.

– Ну ладно, пока всё по плану, – капитан заинтересовано повёл носом над тарелкой острого супа из моллюсков, которая только что была поставлена перед ним расторопной официанткой, – наблюдаем, наслаждаемся местной кухней и спокойствием, пока оно есть. Если что, то дирижабль вызовем, – сказал он и потянулся за ложкой.

Ну, вот я и на месте. Дядюшка, и его полукровка-эллилон¹⁸, она же жрица-мамбо по совместительству, на балконе предаются чревоугодию. Немного беспокоит это невнятное предсказание, сделанное с утра Эолиндис, бывшей Энвис, с подачи её новоявленного покровителя в мире духов. Уличные беспорядки нам сейчас совершенно без надобности. Очень уж неохота попадать под раздачу. С другой стороны, всё, вроде как, пока спокойно. Будем надеяться на лучшее. А если что, то дирижабль нам в помощь.

Сзади прозвучал вкрадчивый голос:

– Разрешите составить вам компанию? – передо мной на стол со стуком опустилась толстенная оплетённая бутылка, в которой плескалась фиолетово-чёрная жидкость. Лучшее вино из сока лозы, растущей на здешних солнечных склонах. К бутылке прилагался уже знакомый мне господин в котелке и с затейливым моноклем. Он опустился на стул напротив, прислонил к столу свою изящную тросточку и, стянув с рук пижонские белые лайковые перчатки, размашистым жестом подозвал официантку.

– Чего изволите? – лучезарно улыбаясь, поинтересовалась миловидная работница местного общепита, заглядывая в бездонные глубины направленного на неё монокла.

---

¹⁶ При каких обстоятельствах произошла смена имени Энвис фехр Ллир на Эолиндис, читатите в предыдущей главе.

¹⁷ ориша Эшу Айеде. Аспект Эшу пророческих и мистических видений, получаемых от Духов

¹⁸ Эллилон – часть волшебного народа Тилвит Тег, живущего в полых вересковых холмах, в волшебной стране Тир-Нан-Ог. О том, кто был, предположительно, родителями Эолиндис, читайте в книге «Мир Эйю – 1. В поисках врат Стилой тени».

– Сначала – два стакана, а потом, большую сырную нарезку, две большие лепёшки с чесноком, ну, овощное рагу, наверное, и жареное на огне мясо на шпажках, всего по порции на каждого из нас.

Он посмотрел на меня, взглядом вопрошая, не возражаю ли я. Возражений у меня не было, а потому я утвердительно кивнул. Официантка посмотрела на него, на меня и тихо дематериализовалась, но, только для того, что бы, буквально через три секунды поставить перед нами два вместительных гранёных толстостенных стакана. Поставив стаканы, она потянулась к нашей бутылке.

– Не, оставьте нам штопор, мы сами откроем и нальём, не маленькие, – усмехнулся харр Рукко, – вы тащите еду, а то есть хочется, как перед смертью.

– Вы бы, это, поаккуратнее, – я осмотрелся. Показалось, что возле входных дверей мелькнула знакомая затрёпанная кожаная курточка юного воришки Мадальгара, – а то, не ровён час, накаркаете.

– Вы что-то чувствуете? – мгновенно подобрался мой собеседник. Но это, следует отметить, никоим образом не повлияло на филигранную точность, с которой он разлил вино по стаканам. Я ухватил свой стакан, отсалютовал харру Рукко и негромко провозгласил:

– За встречу и плодотворное сотрудничество!

– За встречу! – подхватил владелец монокля, – так что вы там говорили о возможных неприятностях?

– Ну, про неприятности, как таковые, я пока не говорил, а вот вы как то сразу бурно на намёкотреагировали.

– Вы знаете, харр Адио, витает что-то в воздухе, непонятное такое, витает, да, – он покрутил в воздухе пальцами правой руки, изображая подобным жестом то самое неопределённое нечто.

На стол опустили два больших деревянных блюда, на одном из которых лежала весьма богатая сырная нарезка, а на втором – две свежайшие, только из печи, лепёшки и солидная горка горячего овощного рагу, распространяющая завлекательные запахи.

– Мейн харрен, мясо сейчас будет готово, – профессионально улыбнулась официантка и упорхнула, профессионально же увернувшись от шлепка, коим харр Рукко хотел её осчастливить.

В примерно это же время, в таверне «Голубая мечта утопленника», что располагалась в районе городской гавани, в одном из кабинетов на втором этаже проходило небезынтересное совещание.

– Фрайхарр Аклерих фан Триассо вчера наотрез отказал нунцию Предстоятеля в его настоятельной просьбе отменить действие эдикта о свободе совести и признании, того, что ни одна из духовных организаций не может выступать собственником недвижимого имущества на территории его феода. То есть мы, как были арендаторами наших собственных храмов, так таковыми и остаёмся. И продолжаем платить налоги в казну феода, – брат-келарь церковной общины Триассо гневно сверкнул линзами очков и продолжил:

– Мало того, на нашу просьбу отдать общине в вечную аренду месторождения красного стекла и права на их разработку на условиях раздела продукции тоже последовал отказ.

– А вот это, наверное, самое плохое известие, – скорбно пробубнил себе под нос, облачённый в белоснежную рясу инок, представлявший орден Святого Домигиса.

– Почему это самое страшное, а не то, что наши храмы нам фактически не принадлежат? – вскинулся представитель курии ордена «Меч предстоятеля» брат Фавст. Брат Фавст был прекрасным воином, но как интриган и политик был, прямо скажем, так себе.

– А потому, – нудным, назидательным тоном начал объяснять домигисианец, что это последнее неразрабатываемое месторождение на материке. Одно из месторождений эксплуа-

тируется Империей Кенин, а второе – разрабатывается государственной гильдией магов в Республике Братства Свободных Геллов. Ни к одному из этих месторождений нас никто не подпустит даже на пушечный выстрел. А красное стекло – это уникальное сырьё для изготовления накопителей маны, и мы без него эти накопители делать не сможем. Как следствие, не сможем использовать огромные запасы артефактов, которые пребывают у нас на складах в рабочем состоянии, но без источников питания. Технологии изготовления и зарядки этих накопителей мы разыскали в архивах, на что, кстати, ушло около семидесяти лет и усилия сотен братьев нашего ордена. Технологии, надо сказать, примитивнейшие, но это лучше, чем ничего. То есть, от того, будет ли у нас месторождение сырья для изготовления накопителей, во многом зависит и судьба нашей Церкви. Если мы сможем оживить наши артефакты – то мало кто сможет сравняться с нами в силе. А тогда и многие политические и хозяйственные вопросы мы сможем решать совсем по-другому – и на порядок эффективнее.

– Я всё понял, – подтвердил приём информации представитель воинствующего рыцарского ордена, – тут есть, за что побороться.

– Да, за что побороться, тут определённо есть, – брат келарь поправил очки, – через полчаса нас почтит своим присутствием нунций Предстоятеля и даст все необходимые разъяснения, указания и распоряжения. А пока предлагаю отдать должное местной кухне. Со своей стороны, очень рекомендую пряный суп-пюре из морских гребешков. Хотя, положив руку на сердце, – произнеся эти слова, брат келарь прижал свою левую ладонь к области сердца, хотя, следует отметить, она тут же органично так сползла чуть ниже, в область желудка, – все находящиеся на нашем столе блюда достойны самого пристального внимания.

В кабинет бочком протиснулся служка и все присутствующие, уже отдавшие должное местной кухне, воззрились на него в немом вопросе.

– Нунций его Святейшества Предстоятеля пред троном Демиурга брат Сервий! – насколько мог, торжественно, провозгласил вошедший и тут же посторонился, открывая проход шествовавшему за ним дородному высокому мужчине с властным лицом, на котором выделялся прямой нос благородных очертаний. Окутанный бирюзовым облачением нунций окинул взглядом присутствующих:

– Во имя Демиурга!

– Во славу его! – отвечал ему нестройный хор голосов присутствующих, неловко порывавшихся встать в момент произнесения приветствия.

– Сидите, сидите, – вальяжно махнул холёной ладонью нунций Предстоятеля, опускаясь на роскошное кресло, которое пододвинул ему служка.

Пока нунций устраивался на кресле, служка наполнил его хрустальный бокал с золотой отделкой чёрным густым вином с ягодным ароматом. Брат Сервий глубоко вдохнул своим античным носом аромат напитка, сделал большой глоток и медленно обвёл всех служителей культа, рассевшихся за столом тяжёлым, не предвещающим ничего хорошего, взглядом.

– Сейчас у меня был сеанс связи с Консistorией. Предстоятель крайне недоволен результатами той работы, которую должны были провести вы, епископ Опитер, – нунций обличающим жестом указал на поскучевшего епископа. Надо отметить, что речь свою нунций начал относительно спокойно.

– А должны вы были к моему приезду сюда обеспечить, в первую очередь, вечную концессию на разработку местных залежей красного стекла силами именно наших подрядчиков с полными правами собственности на добываемые нерудные ископаемые, – по мере того, как речь брата Сервия продолжалась, голос его становился громче, а используемые формулировки жестче. Крылья его аристократического носа уже хищно раздувались, – как вы понимаете, мой визит к фрайхарру Аклериху фан Триассо, должен был носить исключительно формальный

характер. И, вместо того, что бы получить все, надлежащим образом, права на интересующие нас прииски я, нунций Предстоятеля, получаю в высшей степени оскорбительный отказ!

– Это происки, происки недоброжелателей и конкурентов. Всё было согласовано, – проблеял брат Опитер, в одночасье спавший с лица и разом растерявший всю свою степенность и благообразность.

– Мы разберёмся, чьи это были происки! – продолжал сверкать очами брат Сервий, – Взыскание будет на вас наложено, можете в этом не сомневаться. Но только после того, как комиссией Вопрошающих Святого Отдела Расследований Греховности будет проведено всестороннее расследование того, насколько рационально вы использовали ресурсы, предоставленные вам Консисторией для решения поставленной задачи. Мы выясним, откуда у вас вдруг появились средства на приобретение роскошной виллы с двумя гектарами уникальных виноградников. И средства на организацию богопротивных мистерий и кутежей, кои вы с завидной регулярностью проводили последние несколько месяцев на этой самой вилле. С участием куртизанок премиум-класса, которые, кстати, и мне-то не всегда по карману! – осознав, что ляпнул что-то не то, скромнейший нунций Предстоятеля, брат Сервий, закончил свою эмоциональную речь и посвятил ненадолго всё своё внимание хрустальному бокалу с вином.

– Наветы завистников, – из последних сил выдохнул епископ Опитер и, картинно закатив свои свинячьи глазки, размяк в кресле бесформенной грудой плоти.

– Как и ожидалось, Святейшая Консистория приняла единственно верное решение. Если фрайхарр Аклерих фан Триассо не желает идти навстречу ясно выраженным пожеланиям церкви Тринадцати Поводырей, то тем хуже для него. Сегодня начнутся стихийные народные волнения, в результате которых тирания местного феодала будет свергнута и многострадальный народ Триассо провозгласит свою волю. И воля эта однозначно определит, что отныне государственным устройством Триассо станет теократия церкви Тринадцати поводырей, – нунций ещё раз окинул орлиным взглядом всех присутствующих и закинул в рот изрядный пластик сыра.

– Докладывайте, брат Фавст, – брат Сервий одарил солдафона в рясе благосклонным взглядом, и поудобнее устроился в кресле, всем своим видом излучая повышенное внимание.

– Во всех храмах нижнего города, коих насчитывается семь, сформированы народные дружины, численностью не менее пяти сотен бойцов каждая. Плюс к ним присоединятся цеховые дружины союза портовых рабочих и отряды теневого гильдий Нижнего города. Руководство дружинами будет осуществляться представителями ордена. Координация действий – через сеть магических артефактов, – не привыкший к столь пространным выступлениям, брат Фавст промочил горло хорошим глотком вина.

– А что по артефактам у нас? – поинтересовался нунций.

– Магические артефакты собраны в надлежащем количестве. Единственный минус в том, что полноценный заряд, на который мы можем рассчитывать, не превышает трёх дней.

– Впритык, но, надеюсь, что хватит, – глубокомысленно прокомментировал нунций, – а что по Верхнему городу?

– К сожалению, наш храм в верхнем городе не смог сформировать сколь-нибудь заметных отрядов. Те три десятка благочестивых граждан, которые изъявили желание вступить за святую веру, будут задействованы в качестве разведчиков и диверсантов, – следует отметить, что как только речь зашла о Верхнем городе, брат Опитер, продолжавший талантливо разыгрывать бессознательную грудку мяса, непостижимым образом сполз под стол ещё глубже. Но никто не придал этому никакого значения. Всё внимание присутствующих было сконцентрировано на докладе представителя ордена «Меч предстоятеля».

– А общий план каков?

– Народные выступления начнутся по сигналу – колокола во всех церквях Нижнего города ударят в набат. Боевые дружины заблокируют отряды городской стражи в Нижнем

городе и постараются ворваться в пределы стен Верхнего города. После овладения Верхним городом будет начат штурм замка фрайхарра, возведённого на господствующем над городом холме.

В качестве меры психологической поддержки и воодушевления восставших предполагается проведение стихийных казней попавших в руки восставших высших чиновников городской администрации, как представителей тирана и угнетателя. Мы решили казнить всех приспешников тирании милосердно, без пролития крови, через повешенье.

– Что ж, – поощрительно почмокал губами нунций, – гуманно и действительно милосердно. А что с материальным обеспечением восстания?

– Всё предусмотрено. На храмовых территориях организованы склады оружия, провианта, напитков и необходимых для раскрепощения сознания наших сподвижников веществ. Логистика так же отработана надлежащим образом.

– Отменно, – выразил своё удовлетворение представитель Святого Престола, что-нибудь ещё? – спросил он, как бы намекая, что пора заканчивать прения.

– И еще, возьму на себя смелость анонсировать дополнительную меру, призванную воодушевить штурмующих твердыню фрайхарра. Мы запланировали концерт. Непосредственно на ратушной площади. Представьте себе. Площадь, переполненная ликующим народом, который в едином порыве вершит своё правосудие. И, на фоне виселиц и снопов пламени и искр, вырывающихся из пылающих административных зданий, на высоком помосте стоит фисгармония и растрёпанный музыкант в длиннополом фраке вдохновенно бьёт по клавишам. А над всем пространством, над толпами верующих, бьющихся в божественном экстазе, плывут усиленные магией звуки священных псалмов!

– Феерично! – восхитился нунций нетривиальной идеей, на секунду оторвавшись от бокала, содержимому которого он отдавал должное на всём протяжении доклада брата Фавста.

Глава 3.2

Ну, так что, харр Рукко, по рукам? – невольно скаламбурил я. Поднялся со стула и протянул правую ладонь собеседнику, – вы нам три полных комплекта документов, включая свидетельства о рождении, на трёх молодых женщин возрастом от двадцати пяти до тридцати лет, и на одного пятидесятилетнего мужчину. Имя одной из женщин – обязательно Эолиндис. Всё остальное – на ваше усмотрение. А мы – оговоренную сумму. Аванс на столе, – я кивнул на пузатенький кожаный мешочек, прячущийся среди стаканов.

– Замётано, – услышал я подтверждение со стороны подрядчика и ощутил его крепкое рукопожатие.

И тут воздух содрогнулся и низко завибрировал, откликаясь на голоса колоколов храмов Нижнего города. Тягучие волны густого, физически ощутимого набата затопили город Три-ассо.

– Харр Рукко, может вы в курсе, что бы это могло быть? – я обернулся к своему визави, как раз в тот момент, когда он бережно укладывал упомянутый кожаный мешочек себе за пазуху. Тот посмотрел на меня каким-то странным, оценивающим взглядом, как будто прикидывая, стоит ли сейчас со мной связываться, или практичнее будет решать свои проблемы индивидуально. Судя по тому, что взгляд его глаза, не прикрытого моноклем, всё-таки остановился на моём лице, какое-то решение он всё-таки принял.

– У нас проблемы, вляпались мы с вами, харр Адио, в грандиозный блудняк, – мрачно сообщил он, и тут же заорал во весь голос, который у него, как это ни странно, оказался весьма и весьма раскатистым, – Мадальгар! Ко мне!

Посетители трактира всё ещё крутили головами, в надежде понять происходящее. А Мадальгар, следует отдать ему должное, уже соткался из табачного дыма справа от своего босса.

– Где все наши? – задал вопрос юному дарованию обладатель монокля.

– Годо и Фарман должны дежурить за углом, на всякий случай, – он поднял глаза на шефа, – позвать?

– Пока не надо, пусть будут тут, под рукой, и ждут указаний, – бесцветным голосом проинструктировал подчинённого, и тут же задал ещё один вопрос, – А где звезда Мастера Карт?

– Так это, они сопровождают фру Магелинд с девчонками. Они же сегодня на Лоскутном рынке в Нижнем городе работают.

– Как не вовремя то, – вздохнул харр Рукко, – и, уставившись сверлящим взглядом в лоб Мадальгара, начал медленно, как будто забивая каждое слово, словно гвоздь, в кости его черепа, инструктировать мальчишку, – слушай меня внимательно.

Воришка нервно сглотнул и устремил преданный взгляд на шефа.

– Находишь Мастера Карт. Говоришь ему, чтобы брал всех наших и впереди собственного визга рвал когти сюда, к трактиру «Валет и Камбала». Времени ему час. Если успевать не будут, пусть бросают и балаган, и прочий хлам. Главное, что бы все были через час тут. Если ворота в Нижний город уже закроют, то пусть пробираются через Клоаку Червя-Дерьмо-глота. Где входы, ты знаешь, да и Мастер Карт знает, – он наморщил лоб, вероятно пытаясь вспомнить еще что-то упущенное, – если будут трудности – Мастер прикрывает девчонок и Магелинд. Всё. И да, скажи Фарману и Годо, пусть сидят тут и никуда без команды не дёргаются. Теперь беги.

Мадальгар понял всё буквально, а потому сорвался с места, как наскипидаренный.

– Аудио, так что происходит-то? – дядюшкин голос заставил меня подпрыгнуть от неожиданности.

– Я так понимаю, что прогнозы уважаемой Эолиндис начинают сбываться, – вывалил я свои соображения.

– Меня не может не радовать, что прогноз таки сбывается, – раздался мелодичный голос мамбо, – хотя этот прогноз как раз из того разряда, что лучше бы и не сбывался вовсе.

– Согласен, – буркнул носитель котелка.

Далее, я позволил себе взять инициативу в свои руки и провел процедуру блиц – знакомства. После чего Эолиндис в подробностях изложила то, как духи видят происходящее и ближайшее будущее в свете тех событий, что имеют место быть. Надо сказать, что по мере того, как она излагала причины и следствия, и очерчивала вероятный горизонт событий, мрачнел не только харр Рукко, но и дядюшка изрядно посмурнел.

– Харр Рукко, – обратился Симба Ситоле к новому знакомому, – можете быть уверены, наши жизненные интересы не дают нам самоустраниться, и мы крайне заинтересованы в том, что бы эта, с позволения сказать, клерикальная авантюра закончилась пшиком. А каковы ваши мотивы участия во всём этом, ну за исключением, разумеется, вполне понятного желания выжить и сохранить нажитое?

– Первая моя задача – это обезопасить своих людей, – харр Рукко снова угнезвился на стуле и хмуро предложил нам всем, – да вы садитесь, в ногах правды нет.

Действительно, народу в зале стало заметно меньше. Видимо, основная часть посетителей бросилась минимизировать тот ущерб, который мог быть им причинён набирающим обороты бунтом.

– Харр Рукко, вы, наверное в курсе местных раскладов, – решил я немного прояснить ситуацию, какими ресурсами обладает фрайхарр Аклерих фан Триассо для купирования назревшей проблемы?

– Сейчас. Давайте заказ сделаем, а? – харр Рукко окинул нас взглядом, – всё равно ещё минут сорок мне надо будет тут посидеть, пока мои соберутся.

– Не возражаю, – одобрил дядюшка, предварительно переглянувшись с Эолиндис.

– Фруляйн, две бутылки черного виноградного со склона Падших Дев урожая прошлого года и мяса радужного борова. Жареного. Много, – крикнул харр Рукко, после чего вернулся к обсуждаемому вопросу, то есть к перспективам местного феодала.

– Начнём с того, что феодал до недавнего времени сводил концы с концами исключительно за счёт контрабанды. Товар завозится в гавань Триассо, а затем формируются караваны горных осликов, на которых контрабанда и попадает на гораздо более интересные рынки стран, расположенных севернее. Конечные пункты – это южные поселения Империи Кенин, горные анклавы империи Аррагон ну и прочие, сравнительно платежеспособные регионы. А товар? Ну, в первую очередь, подакцизный, то есть изысканные вина, крепкое спиртное, курительные смеси, интересные всякие вещества, как очищенные, так и в виде сырья и полуфабрикатов – оборот этих товаров я и контролирую в интересах фрайхарра. Отдельная статья – это живой товар – я этим не занимаюсь – это весьма мутная область деятельности и те, кто этим занимаются, долго не живут, конкуренция, сами понимаете. Невзирая на то, что в Империях, что Кенин, что Аррагон, что в Республике Братства Свободных Геллов рабство и работорговля запрещены законом, живой товар пользуется устойчивым спросом, есть подпольные рабские рынки, ну, и вся сопутствующая инфраструктура. Законы рынка, спрос рождает предложение, ну и наоборот.

Оратору пришлось прерваться. На столе появились две оплетенные бутылки и большая бронзовая жаровня, на которой шкворчали аппетитные кусочки истекающего ароматным соком мяса. Задорно сверкнув моноклем, харр Рукко откупорил бутылку и сноровисто набулькала тягучего напитка в гранёные стаканы.

– И ещё, фруляйн, какой-нибудь зелени и немного сыра, – крикнул я вдогонку убегающей официантке. Дядюшка, тем временем сидел с закрытыми глазами, устремив задумчивый лик в потолок.

– Что это он? – вполголоса спросил меня харр Рукко, кивнув на дядюшу.

– Сеанс связи, – пояснил я.

– У вас и артефакты связи есть? – с нотками зависти в голосе поинтересовался мой собеседник.

– Конечно, без них как-то, некомфортно.

– Аудио, – обратился ко мне дядюшка, – я вызвал, на всякий случай «Алигету». Ситуация непонятная, и, наверное есть смысл держать средство передвижения под руками.

– А что есть «Алигета»? – ласково толкнул меня вбок явно нервничающий владелец моногля.

– Дирижабль.

– Ага, а жизнь то налаживается, – как бы про себя довольно буркнул харр Рукко.

– Харр Рукко, а не продолжить ли вам краткий экскурс в историю и экономику здешних благословенных земель? – решил я вернуться к описанию ситуации.

– Ага, так на чём я остановился то?

– На местной контрабанде и работоторговле.

– Ага, так вот, – харр Рукко сделал изрядный глоток вина и продолжил, – Имевшаяся стабильность была нарушена. Судя по происходящему, агенты церкви Тринадцати поводырей уже довольно продолжительное время дестабилизировали ситуацию, подбивая контрабандистов к уклонению от уплаты налогов и вообще, к гражданскому неповиновению. Уровень жизни большинства населения феода, мягко говоря, к сохранению социальной стабильности не располагает. Единственное, что для меня решительно непонятно, почему они решили так форсировать события.

– А это уже, скорее всего, мы как раз и виноваты, – неожиданно прояснил ситуацию дядюшка.

Монобль харра Рукко, равно, как и его свободный от оптики глаз, впились взглядом в лицо Симбы Ситоле, тщаь установить связь между этим, новым для местных сложных раскладов человеком, и, поистине, тектоническими событиями, сотрясшими сонный мирок субтропического побережья и расположенного на этом побережье городишки.

– Красное стекло, – коротко пояснил дядюшка.

– Ах вот оно что, – я слышал, что представители церкви Тринадцати поводырей настойчиво домогались исключительных прав на разработку этого загадочного минерала, причём хотели это обставить, как благодеяние с их стороны. И не платить за это ничего, – харр Рукко откинулся на спинку стула и задумчиво уставился в глубины своего стакана, – а вы что предложили Фрайхарру?

– А мы, – дядюшка улыбнулся одними губами и продолжил, – а мы сделали ему предложение, от которого он не смог отказаться.

– То есть? – вопросительно приподнял брови харр Рукко, хотя его уникальный монобль при этом остался на месте.

– Мы предложили ему партнёрство в разработке и обрисовали примерные перспективы, – дядюшка устремил свой взгляд в потолок, – и показали ему кое-что, что подкрепило наши слова.

– Та-а-ак, – протянул задумчиво харр Рукко, в свою очередь, устремив взгляд в потолок.

– Так мы немного ушли от темы, – решил я взять в свои руки конкретизацию сложившейся ситуации, – какими ресурсами для наведения порядка обладает на текущий момент феодал?

– Подразделения городской стражи, общей численностью в две тысячи рыл, – харр Рукко обвёл взглядом присутствующих, – обратите внимание, я сказал не штыков, а рыл, вовсе не потому, что дурно воспитан, а просто потому, что используемое мною определение ближе к сути. Кроме того, есть полторы тысячи штыков феодальной гвардии.

– А, исходя из характеристики, которую вы дали страже, и того, что всё уже началось, я так думаю, что большая часть храбрых стражников, либо ещё ничего не поняла, либо уже благополучно заблокирована в своих околотках в Нижнем городе.

– Согласен, – мрачно кивнул харр Рукко и потянул на свет божий за золотую цепь свой массивный хронометр, открыл толстую крышку и бросил взгляд на циферблат, – пора бы моим уже быть тут, – встревожено пробормотал он.

Дядюшка опять закрыл глаза и ушёл в себя. Наверное, принимал доклад с борта «Алигеты». Открыв глаза, он тут же нашел взглядом носителя котелка и предложил ему:

– Харр Рукко, давайте-ка поднимемся на борт дирижабля, – и залихватски подмигнул ему, – сверху, оно, наверное, получше видать будет, а? А своих Фрод... простите, Годо и Фармана отправьте к воротам – пусть там ждут. Если что, какую-никакую силовую поддержку окажут. Как вам такое предложение?

– Наверное, я приму его. Сверху действительно виднее.

– Ну, тогда, двинулись, – дядюшка глянул на меня, – Адио, ты с нами?

– А куда ж я без вас то, – демонстративно прокряхтел я и мы, оставив пару крупных серебряных монет на столе, поднялись на выход.

За пределами трактира, как водится, собралась немаленькая толпа зевак, для того, чтобы поглазеть на чудо летающее. Хорошо, хоть не нашлось придурков карабкаться по трапу без приглашения. Мы чинно, по очереди, начали взбираться по верёвочной лестнице. Сначала Эолиндис начала своё восхождение, элегантно и изящно. Потом дядюшка, автоматически переставляющий руки и ноги с зажатой намертво в зубах неизменной своей трубкой. Далее, на глазах у изумлённой публики, харр Рукко, зажав подмышкой левой руки свою антикварную тросточку, самоотверженно карабкался вперёд и вверх. Ну, и замыкал эту процессию ваш покорный слуга.

Вскарабкавшись на борт, мы всей весёлой компанией проследовали в ходовую рубку, остекление которой позволяло окинуть взглядом панораму Нижнего города.

– Гугу, – дядюшка, не теряя времени начал входить в курс дела. – как у нас тут дела обстоят?

– Без особых происшествий, капитан, – флегматично отрапортовал старпом, – единственное, пришлось мне включить защитное поле, а то, какие-то огненные шары летают. Так и до греха недалеко.

– Держит защита-то?

– А куда ж она денется то? – усмехнулся Гугу.

– Тогда, братец поднимись-ка метров на сто – сто пятьдесят, и метров на двести выдвинись за стену, на территорию Нижнего города, – после чего дядюшка обернулся ко мне, – а ты, племян, садись-ка, наверное, в кресло стрелка передней полусферы, сдаётся мне, и пострелять нам сегодня придётся. От души. Не забыл ещё, как на гашетки-то жать? – улыбнулся он.

Я себя дважды просить не заставил, а дисциплинированно угнездился на насест борт-стрелка. Попробовал приводные педали. Вроде как всё работает. Ну и расслабился в ожидании команды на открытие огня.

Рукко, тем временем, изучал внимательно территорию, медленно проплывающую под брюхом дирижабля. В темнеющем небе, в районе гавани, под несмолкающие раскаты набата, уже во всю поднимались в зенит столбы жирного чёрного дыма, подсвечиваемые снизу алыми всполохами жадного пламени, пожирающего городское имущество. Это повстанцы и прочие

борцы за всё хорошее против всего плохого начали реализовывать свои представления о справедливом перераспределении собственности вкупе с воздаянием за грехи реальные и мнимые. В общем, волна народного гнева пока, похоже, только начала формироваться. Но до темноты оставалось уже не так много времени. А ночью, как известно, все кошки серы, что, в свою очередь, способствует росту активности пролетариата в деле грабежа награбленного. Так что, основная движуха воспоследует ближе к вечеру.

– Кажется, я их вижу, – раздался голос Рукко, – давайте-ка чуть правее и дальше – вон к той небольшой площади с фонтаном.

Гугу бросил взгляд на дядюшку, и, получив утвердительный кивок, изменил курс дирижабля в соответствии с пожеланиями владельца монокля.

Подплыв к указанной площади, мы узрели следующую картину: к низкой каменной ограде бассейна, в котором располагался давно иссякший фонтан, жались две невысоких и небогато одетых, женщины, как бы прикрывая собой трёх тощих девчонок. Около женщин лежали два тела. Судя по тому, что они ещё шевелились, они пока были живы. Но это могло в скором будущем измениться.

Женщин, в свою очередь прикрывали четыре тощих фигуры, в руках каждой из которых была либо дубинка, либо большой нож. В одной из этих фигур я, с некоторым удивлением, узнал своего старого знакомого, подающего надежды воришку Мададьгара. А окружали их, тоже весьма скромно одетые, но, по-видимому, очень серьёзно настроенные, люди, недвусмысленно поигрывающие тускло отливающими сталью, клинками. Я решил подготовиться, а потому включил электропривод 12,7 мм электропулемётной установки. Под брюхом дирижабля зазвучало негромкое, умиротворяющее жужжание раскручиваемых ствольных блоков.

– Модерих, оставил бы ты моих людей в покое, – закричал успевший выбраться на галерею Рукко.

– А то что? – с вызовом крикнул, задрав к небесам небритый подбородок один из представителей противной стороны, чья голова была задрапирована в вызывающе красную бандану.

– Аудио, предупредительный, будь добр, – услышал я дядин голос, и тут же нажал на гашетку. В паре метров перед владельцем красной банданы взметнулся фонтанчик битого камня и пыли. Судя по тому, насколько резво прыснули в стороны оппоненты, и по тому слоизоизвержению, которое сопровождало этот их манёвр, их проняло.

– Снижаемся и подбираем всех, – Аудио, осмотришь пострадавших, – скомандовал капитан, и мы приступили к эвакуации команды харра Рукко.

Глава 4.1

Эвакуация прошла в штатном режиме, если так можно выразиться. То есть подняли лебедкой раненных и женщин. А четверо парней, прикрывавших эвакуацию, вскарабкались по верёвочной лестнице сами. На протяжении всего процесса мне пришлось дать еще пару коротких очередей из носовой пулемётной спарки. Наши оппоненты всё никак не хотели принять то, что добыча ускользнула у них из-под самого носа. Даже пришлось огорчить одного персонажа до полной неподвижности. Вот, «Алигета» поднимается в темнеющие небеса, а его нескладная фигурка так и лежит на выщербленных камнях мостовой. И расползается под ней тёмная лужа. И сиротливо валяется рядом причудливый, массивный карамультук, используя который, несчастный пытался поспорить с электропулемётной спаренной установкой калибра 12,7 мм.

Нтанда, умничка. Пока я прикрывал плановый отход, приготовила изолятор к приёму раненных и, по мере их подъёма на борт, оценивала потребность в медицинской помощи и задействовала соответствующие артефакты. И да, харр Рукко определённо ей должен. Она своими своевременными и грамотными действиями буквально вытащила с туманных равнин Нижнего мира одного из его подручных. Тощенького вертлявого мужичка, которого звали то ли Ланто, то ли Ланцо, в общем, не важно. А важно было то, что получил он очень неприятный удар заточкой в область печени. И оставалось ему гостить в этой юдоли скорби, если по хорошему, то не более, чем двадцать минут. А сейчас вон, лежит себе на койке, посапывает, улыбается во сне, покуда наше оборудование ему печёнку латает. Визит на туманные равнины для него, в общем-то, пока отложен на неопределённое время. Хотя, если учесть род его занятий, время это не представляется уж очень продолжительным.

Покуда я размышлял, «Алигета» взмыла на недостижимую для огнестрела, находящегося в руках сброда, самозабвенно грабившего собственных соседей, высоту. Хотя, магическую защиту мы не снимали, поскольку пару раз какие-то доморощенные колдуны пробовали запустить по нам что-то типа файерболов. Один, с позволения сказать, волшебник, увидев, что его сильномогучее колдунство закончилось пшиком, расплескавшись по защитной плёнке, успел, подобно таракану, юркнуть в неприметную щель между сараями и избежать ответки. А вот второй послужил наглядной иллюстрацией того, что электрик, так же как и сапёр, ошибается в жизни всего один раз, но, в отличие от сапёра, перед смертью ещё и танцует. Правда, недолго. В общем, этого беднягу Амади приголубила, в порядке эксперимента, аккуратной шаровой молнией. Станцевал, болезный. И умер. Как истинный электрик.

После того, как на борту оказалась вся команда харра Рукко, мы решили обсудить дальнейшие действия, для чего, по традиции собрались в кают-компаниях. Слово взял дядюшка, который, помимо того, что был капитаном дирижабля, осуществлял ещё и общее руководство экспедицией.

– Итак, я изложу своё видение ситуации, если у кого то будут существенные поправки, то не стесняйтесь, включайтесь в обсуждение, – дядюшка сделал глубокую затяжку, курительная смесь в чашке трубки тихонько затрещала, и к потолку помещения потянулся сизоватый дымок, – следует обозначить, что всё происходящее, есть ни что иное, как проявление недобросовестной конкуренции со стороны церкви Тринадцати поводырей. Вместо того, что бы перебить наше предложение, сделанное нами фрайхарру Аклерих фан Триассо, они решили просто отобрать месторождение красного стекла, являющееся яблоком раздора, если так можно выразиться. И для этого спровоцировали беспорядки, конечной целью которых является свержение законной власти и установление в феоде теократии церкви Тринадцати поводырей. У меня возникает несколько вопросов. На один из которых, я надеюсь, сможет ответить присутствующий среди нас харр Рукко, смотрящий от фрайхарра Аклериха за контрабандой подакцизными товарами.

– Спрашивайте, – харр Рукко сделал глоток вина и всем своим видом изобразил крайнюю степень внимания.

– Как вы оцениваете способность феодала самостоятельно справиться с возникшими трудностями?

– Учитывая то, что городская стража, скорее всего, заблокирована восставшими в своих околотках в нижнем городе, – выражение лица харра Рукко демонстрировало крайнюю степень скептицизма, – то крайне низко. Гвардия феодала в силах удержать контроль над замком, только и всего. Так что в лучшем случае, мы получаем своеобразный пат. Фрайхарр оставляет за собой свою цитадель, а восставшие контролируют всё остальное.

– Как вы оцениваете, сможем ли мы, добавив свой ресурс, а именно боевой потенциал нашего дирижабля и имеющиеся магические и технические возможности, переломить ситуацию в пользу феодала, не прибегая к помощи третьей стороны. Сами понимаете, привлечение третьей стороны, обладающей значительным силовым ресурсом, сильно снижает наш профит от эксплуатации приисков красного стекла, что было бы крайне нежелательно.

Харр Рукко задумался. Посидев неподвижно, погружившись в глубокие размышления, он, наконец, тряхнул головой и огласил плоды своих раздумий.

– Мне кажется, что шанс есть. Это при условии, что мы найдём общий язык с фрайхарром и капитаном его гвардии, харром Ортвигом, который, в общем-то, слывёт вполне реалистичным чиновником и грамотным военным.

– Тогда, – дядюшка обвёл взглядом всех присутствующих, – держим курс на твердыню фрайхарра Аклериха фан Триассо и там стараемся выработать единую стратегию по противодействию недобросовестным конкурентам.

Вот мы и над воротами, ведущими из Нижнего города в верхний. Стража, невзирая на разгромную характеристику, данную ей харром Рукко, сопя, суетясь и матерясь, закрывала ворота на, поистине, титанический засов, представлявший из себя толстенный дубовый брус.

– Зря стараются, – прокомментировал их действия харр Рукко, – Известковая скала на всём протяжении стены, отделяющей Нижний город от Верхнего, изрыта ходами как головка плеснявого сыра. Ночью эти жаждущие справедливости ребята полезут тут из каждой щели. Так что нам имеет смысл сразу договариваться о местах за стенами цитатели. Уже к полночи тут будет очень жарко.

Вернувшись к трактиру «Валет и камбала», мы забрали на борт двух непревзойдённых интеллектуалов – Годо и Фармана и продолжили свой полёт в направлении ворот, ведущих из Верхнего города непосредственно в замок феодала. Достигнув надвратных башен, поддерживаемых гарнизоном цитадели в надлежащем состоянии, мы высадили харра Рукко непосредственно перед ними. Он, не медля ни минуты, отправился по направлению к неприметной дубовой калитке в циклопической стене. Требовательно постучал по потемневшим доскам набалдашником своей пижонской тросточки. Буквально через минуту, калитка приоткрылась, и он просочился в образовавшуюся щель.

Минут через двадцать калитка опять приоткрылась, из образовавшейся щели высунулся харр Рукко и махнул нам рукой, видимо предлагая просто перелететь через стену. Что мы и проделали на глазах у изумлённой публики.

За пятнадцатиметровой высоты стеной простирался ухоженный газон, который пересекали в разных направлениях посыпанные белым известковым песочком дорожки. В огороженном стенами пространстве, то там, то сям, стояли приземистые здания из серого камня с крытыми красной черепицей крышами. И над всем пространством нависал, доминировал многоярусный донжон, чьи готические стрельчатые башни, казалось, подпирали затянутый тучами

небосвод. Немного оживлял этот средневековый пейзаж серенький домик, притулившийся к стене донжона. Высокая полосатая труба, поднимавшаяся из черепичной крыши этого сооружения, бодро парила. А над боковой пристройкой висело несколько рядов керамических изоляторов, откуда и разбегались к стенам, донжону и прочим зданиям комплекса цитадели жгуты красноватых медных кабелей, несущих электричество. Энергоузел, однако.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.